

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chukovskiynikolai.ru/> приятного чтения!

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский

КАПИТАЛ НЕМО

1

Еще до знакомства с ним я слышал, что он самый молодой командир подводной лодки на всем флоте.

И все-таки я был удивлен, когда его увидел. Небольшой роста, тоненький, с нежным лицом, па котором то возникал, то пропадал румянец, он был похож на девушку. Мечтательные серые, словно нарисованные, глаза, мягкие пухлые губы. Ей-богу, я подумал бы, что он девушка, если бы не видел, как он брился в своем тесном закутке, в двухстах метрах под водой, при дифференте на нос в тридцать пять градусов.

У него и фамилия была подходящая: Снежков. Капитан-лейтенант Снежков.

Не такими представлял я себе настоящих моряков, и поэтому с первого взгляда он мне, пожалуй, не понравился. И, как нарочно, его подчиненные были все люди крупные, рослые, плечистые, особенно боцман, по фамилии Дыбин. У этого Дыбина лицо было широкое, степное, грудная клетка удивительная, ладонь – с тарелку. Когда он шел по трапу, все звенело вокруг. И без того в подводной лодке места мало, но, когда Дыбин заходил в отсек, он сразу заполнял собой все свободное пространство. Штурман, старший лейтенант Гусейнов, тоже был из тех кавказских богатырей, которые одним ударом валят с ног буйвола. Акустик Митрохин был хоть и не широк и, вероятно, не слишком силен, но зато очень высок, ходил пригнувшись. Среди этих великанов капитан-лейтенант Снежков казался еще меньше и моложе, а спокойный, ровный его голос – еще слабее и тише.

Я, кажется, тоже ему не понравился. Вернее, не понравилось ему, что не морской человек, которому нет места в боевом расписании, идет с ним в поход проверять работу какого-то прибора. Впрочем, быть может, это все моя мнительность. Он не только никак не выразил своего недовольства, но, напротив, был очень учтив со мной. Он только спросил меня испытующе:

– А вы представляете себе, что может нас ждать в этом походе?

– Мне все равно, – сказал я холодно. – Мне приказано проверить работу прибора, и я выполняю приказание.

Он ничего не сказал, но я увидел, что его глаза бывают иногда не мечтательными, а насмешливыми.

Этот же насмешливый прищур его глаз я заметил, когда стоял рядом с ним на мостике и холодные ноябрьские волны обдавали наши кожаные регланы тяжелыми брызгами. Лодка качалась, все качалось вокруг, я старался смотреть в небо, чтобы не замечать этой качки, но и небо качалось. Лодка поминутно зарывалась носом в воду, и это было хуже всего: винты оказывались над водой и весь корпус начинал дрожать нестерпимой дрожью. Я, конечно, стоял как ни в чем не бывало, с видом бодрым и даже веселым, но лицо мое позеленело и выдавало меня. Вот тут я и подметил насмешливый блеск в глазах капитан-лейтенанта.

В сущности, мне нечего было стыдиться; ведь я, как вам известно, не моряк, а врач, и если ношу морскую форму, так только оттого, что служу начальником санчасти на одном из морских аэродромов. Но у каждого человека есть свое самолюбие. Когда капитан-лейтенант Снежков спросил меня:

– Ну, как?

– Отлично! – ответил я. – Я еще в детстве мечтал поплавать на подводной лодке.

– В детстве? – переспросил он.

– Да, в детстве, – сказал я. – В двенадцать лет я прочел «Восемьдесят тысяч верст под водой» Жюль Верна и мечтал стать подводником.

– Что же вы не стали подводником, если мечтали об этом в детстве?

Я засмеялся немножко искусственно, потому что вовсе не хочется смеяться, когда тошнит.

– Мало ли о чем я мечтал с тех пор! – сказал я.

– Нет, я не так, – проговорил он задумавшись. – Мне тоже было лет двенадцать, когда я прочел «Восемьдесят тысяч верст под водой». Мне захотелось стать капитаном Немо. Помните капитана Немо?

Я вспомнил картинки, изображающие загадочного капитана Немо-сурового великана с курчавой бородой. Нет, маленький, по-девичьи краснеющий капитан-лейтенант Снежков нисколько не похож на него. Но этого я не сказал.

– А теперь, когда ваши мечты исполнились, когда вы подводник, все оказалось лучше, чем в той книге, или хуже? – спросил я.

– Лучше, – сказал он убежденно,

– чем же лучше?

Он задумался.

– Тем, что я служу Советскому Союзу и дерусь за него, – сказал он.

2

После этого разговора он стал поглядывать на меня дружелюбнее. Но беседовать нам уже почти не пришлось, потому что мы вошли в воды, где могли встретить противника. Лодка погрузилась, и Снежков был очень занят.

Я обрадовался, что лодка погрузилась, так как качка кончилась. В отведенном мне углу отсека я приступил к испытанию моего прибора.

Не стану останавливаться на устройстве этого прибора и скажу только, что это был новейший прибор для анализа состава воздуха и что в изобретении его принимал участие я сам.

С того места, где я возился со своим прибором, виден был акустик Митрохин, который сидел, прижав к ушам наушники шумопеленгатора. Электрическая лампочка ярко озаряла его узкие сгорбленные плечи и резкое костлявое лицо, застывшее от напряженного внимания. Иногда к нему подходил Снежков и взглядывал на него. Митрохин отрицательно качал головой. И чем дальше шло время, тем чаще к нему подходил Снежков. И все недовольнее становилось лицо Снежкова.

Тут я понял, что маленького, мечтательного, учтивого Снежкова можно бояться. Боцман Дыбин, например, теперь явно робел в его присутствии.

Ну и глыба был этот боцман! Грузный и сильный, как медведь. Прежде грохот и лязг раздавались по всем отсекам от его шагов и могучего голоса, а теперь, встречаясь со Снежковым, он начинал ступать неслышно, жался к стенам и втягивал голову в плечи. Впрочем, настоящего страха не было в маленьких добрых его глазах. Было скорее опасение спугнуть что-то важное, что происходило в его командире.

– Хотите послушать? – предложил мне вдруг Митрохин, заметив, как внимательно я слежу за ним.

Он снял с себя наушники, протянул их мне, и я надел их.

Я заслушался. Какими странными шелестами, вздохами, шепотами полна морская глубина! То повышаясь, то понижаясь, словно пульсируя, они сливались в неясную таинственную мелодию.

Я неохотно отдал наушники Митрохину.

– Ну, что? – спросил его Снежков.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Митрохин покачал головой.

Я уже давно понял, что их заботит. Несколько часов назад наши самолеты заметили в море караван немецких кораблей. Наша лодка должна была перехватить их в пути и атаковать. По вычислениям штурмана Гусейнова, корабли эти должны были теперь находиться в том самом месте, где находились мы.

– Они где-то тут, – говорил Гусейнов, и смуглое лицо его бледнело от волнения.

– Их тут нет, – говорил Митрохин. – Транспорт в шесть тысяч тонн и три сторожевых катера – неужели я не услышал бы шума их винтов?

– Посмотрим, – сказал Снежков и приказал поднять лодку на перископную глубину.

Лодка поднялась, но осталась под водой, и только перископ вынырнул на поверхность.

Снежков прильнул глазами к стеклышку перископа. Гусейнов стоял у него за спиной, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

– Неужели не видите? – спрашивал он.

– Не вижу, – говорил Снежков.

– Они должны быть здесь.

– Посмотрите сами.

Гусейнов долго смотрел, но тоже ничего не видел.

– Я услышал бы, – повторил Митрохин.

Гусейнов поглядел на Митрохина так, словно тот был виноват, что немецкого каравана здесь не оказалось. Он был горячий и упрямый человек, этот Гусейнов. Но ничего не сказал, а отошел к своим картам и зашелестел ими.

Я тоже посмотрел в перископ и увидел только волны, бесконечные, нестройные, зеленого бутылочного цвета...

Гусейнов, торопясь и волнуясь, показывал Снежкову свои карты, на которые он наносил путь лодки. Это были морские карты, не похожие на наши сухопутные – море на них испещрено множеством обозначений, а суша изображена в виде пустых белых пятен. На карту были нанесены Гусейновым два пути: путь нашей лодки и предполагаемый путь вражеского каравана. Оба пути скрещивались в том месте, где мы сейчас находились.

Гусейнов, блестя глазами и повышая голос, доказывал, что в его вычислениях нет ошибки.

– Конечно, ошибки нет, – сказал Снежков и положил маленькую свою ладонь на большую руку Гусейнова.

– Куда же они делись?

– Они переменили курс.

И Снежков, черкнув карандашом по карте, показал, как немецкий караван, внезапно изменив курс, пошел по хорошо охраняемым протокам между шхерами в свой порт.

Гусейнов замолчал. Митрохин снял наушники, повернул к нам костлявое внимательное лицо и тоже молчал. Молчал и Снежков.

– Надо возвращаться, – угрюмо сказал наконец Гусейнов и свернул свои карты в трубку.

– Нет, – тихо проговорил Снежков.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

– Куда же? .. – начал было Гусейнов, но вдруг осекся, словно ему не хватило дыхания.

И я понял, что он догадался о том же самом, о чем догадался и я. И по глазам Митрохина увидел, что он тоже догадался.

– К ним в порт? – быстрым шепотом спросил Гусейнов.

Снежков кивнул.

– Пойдем к ним в гости, а? – Он обернулся к боцману дыбину, стоявшему у него за спиной.

Боцман неуклюже шархнулся, шевельнул свою огромную тень на стене отсека, но ответил твердо:

– Пойдем, товарищ капитан-лейтенант.

З

Мы шли на перископной глубине. Снежков стоял у перископа, а Гусейнов отмечал наш извилистый путь на своей карте.

К порту можно было подойти разными путями: и слева от шхер, и справа от шхер, и между шхерами.

Снежков выбрал не тот путь, которым шел вражеский караван, а другой. Он хотел не догонять его, а выйти ему навстречу, и мы лавировали среди укрепленных неприятельских островков. Берега напоздали на нас с обеих сторон, проход становился все уже.

– На встречном курсе слышу шум винтов, – сказал вдруг Митрохин.

– Сколько кораблей? – спросил Снежков, не отрываясь от перископа.

– Один.

– Вижу, – сказал Снежков. – Сторожевой катер. – И приказал: – Срочное погружение!

Лодка погрузилась.

Митрохин поднял глаза к потолку, и я понял, что он слышит, как катер приближается к нам. Катер уже почти над нами. Вот уже без всяких наушников слышно ленивое шлепанье его винтов.

– Успел он заметить наш перископ? – шепотом спросил Гусейнов.

– Увидим, – сказал Снежков. – Если будет бомбить, значит, успел заметить.

Шлепанье винтов по воде все тише, тише. Вот их опять слышит один Митрохин.

– Ушел, – проговорил он.

– Это охрана порта, – сказал Снежков. – Они нас прозевали.

Лодка больше не высывала перископа из воды, мы шли под водой, прокладывая сложный курс в узкой горловине пролива. По черте на карте Гусейнова видел я, как пролив этот расширялся и как мы вошли в закрытый рейд перед портом.

Об этом знали все, но в лодке ничего не изменилось. Все стояли на своих местах. Приказания передавались вполголоса. Только склоненное над картой смуглое лицо Гусейнова было матово-бледным, да на щеках Снежкова появились два маленьких розовых пятнышка, да Митрохин слушал, не снимая наушников, с приоткрытым от напряжения ртом.

– Слышу шум винтов, – сказал Митрохин. – Корабли идут нам навстречу.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

– Сколько? – спросил Снежков.

– Не знаю, – ответил Митрохин. – Много.

Лодка опять высунула перископ из воды. У перископа стоял Снежков. Он смотрел, и нам казалось, что он смотрит очень, очень долго, и мы почти не дышали от нетерпения.

– Поглядите, доктор, – сказал он, обернувшись ко мне.

Он впервые заговорил со мной после того разговора на мостике, и, по правде сказать, я почувствовал себя польщенным.

Через перископ я увидел зеленую рябь моря, берега, какие-то строения на них и огромный пароход, который, дымя, входил в рейд с другой стороны, по другому проливу, прямо нам навстречу. Три катера сопровождали его; они казались крохотными рядом с ним, и я заметил их только по белым бурунам.

– Теперь подойти – и в упор, – тихо сказал Снежков слегка срывающимся голосом.

И по его посветлевшему лицу я понял, какой мальчишеский охотничий азарт переполняет его.

Торпедист – не помню его фамилии, знаю только, что звали его Сережей и что он одновременно был коком, – уже стоял между торпедными аппаратами, держа руки на рукоятках «пистолетов». Он стоял неподвижно, но по спине его я чувствовал, что он весь напряжен, что всем телом он ждет, когда в переговорной трубке прозвучит слово «пли».

– Первый катер прошел по левому борту, – сказал Снежков, глядя в перископ.

Мы были уже в кольце врагов, и от парохода нас отделяло всего несколько сотен метров.

Как все, я тоже перестал дышать и ждал, когда Снежков произнесет «пли».

Но он не торопился. Сияющие охотничьим блеском глаза его не отрывались от перископа. Он вел лодку на сближение.

– На борту орудия и кони, – проговорил он с удовольствием. И крикнул: – Пли!

Лодку рвануло вверх, и я понял, что торпеда выпущена.

Я представил себе, как, умная, сложная, почти живая, она несется сейчас, чертя по поверхности узкий пенистый след, и там, на огромном пароходе, видят ее и знают, что ничего уже невозможно сделать. Секунда, еще секунда, еще секунда...

Взрыв – глухой, но сильный и близкий. И лодка вздрогнула.

На неподвижном лице глядевшего в перископ Снежкова стала медленно появляться улыбка. С его лица перескочила она на смуглое лицо Гусейнова, на широкое лицо Дыбина, и даже сухое, стиснутое наушниками лицо Митрохина заулыбалось. И, перескакивая с лица на лицо, улыбка эта пробежала по всей лодке, по всем отсекам, из конца в конец. Я почувствовал, что мое лицо тоже расплывается в улыбку.

– Эх, доктор, посмотрите! – улыбаясь, сказал Снежков и, взяв меня за плечо, подтянул к перископу.

Признаться, я увидел не много. Огромный пароход стремительно погружался в воду. Через минуту ничего уже по было видно, кроме морской ряби и мечущихся катеров.

– Где же он? – спросил я.

– На дне, – сказал Снежков.

4

Мы быстро погружались.

– Отчего нас но бомбят? спросил Гусейнов.

– Сейчас начнут, сказал Снежков.

И сразу нас потрянуло, и я со всего роста упал, оглушенный странным лязгом. Глубинные бомбы лязгают отвратительно.

– Приготовиться, это первая, – прозвучал где-то надо мной голос Снежкова.

И, прежде чем я успел подняться, снова лязг, толчок, и снова меня бросило на пол. Свет погас. Что-то посыпалось на меня со стен. Я почувствовал, что в темноте рядом со мной на полу барахтается кто-то.

– Включить аварийное освещение! – крикнул Снежков.

Прежде чем зажегся свет, еще шесть ударов обрушилось на нас. Меня било, переворачивало, катало по полу, посыпало чем-то сверху. Я слышал голос Снежкова, но в этом грохоте не мог разобрать слов. Да мне и не нужно-было его понимать. Не могу передать, какой радостью был для меня этот ясный, ровный голос среди мрака и лязга.

Когда свет вспыхнул, я увидел, что рядом со мной на полу Гусейнов. Держась за стену, он поднялся. Я тоже пытался подняться, но меня снова швырнуло на пол, обсыпая пробковой изоляцией с потолка. Я отполз в угол и сел там, прислонившись к стене, оглушенный, каждые две-три секунды заново встряхиваемый, и осколки моего разбитого прибора, который я должен был испытать, валялись на полу передо мной.

Опять увидел я лицо Митрохина в наушниках. При каждом взрыве оно искажалось от боли – лязг глубинных бомб, во много раз усиленный наушниками, терзал его барабанные перепонки. Но он наушников не снимал, а в перерывах между ударами сообщал Снежкову, где находятся бомбящие нас катеры, и Снежков кидал лодку то вправо, то влево, бешено кружил ее среди крутящейся воды и уводил все глубже и глубже.

– Тридцать четвертая, – сказал я вслух, жадно хватая воздух между двумя ударами.

– Тридцать четвертая, доктор? – услышал я голос Снежкова. – Считаете? Хорошо делаете. Тридцать четыре бомбы, а мы все еще целы. А?

Тут новый толчок, но совсем другой, не похожий на толчок взрыва, потряс лодку, и раздался новый грохот, оглушительный, но тоже совсем другой.

– Остановить моторы! – крикнул Снежков и в наступившей тишине перепрыгнул через мои ноги, бегом направляясь к носу.

Но навстречу ему уже бежал боцман Дыбин и остановился перед ним, вытянувшись во весь свой гигантский рост.

– Товарищ капитан-лейтенант, – сказал он, – носовые рули заклинило.

– Знаю, – ответил Снежков. – Мы врезались в мель.

5

Едва лодка застряла в песчаной отмели, бомбить нас перестали. Моторы были остановлены, и после лязга и грохота наступила такая тишина, что мы слышали дыхание друг друга. Один только Митрохин вслушивался в какие-то звуки, доносившиеся к нему через наушники.

Лодка застряла в песке носом, корма поднялась, и образовался крен – пол вздыбился, стены покосились. По покатоному полу Снежков вместе с боцманом пошел вниз, на нос, посмотреть, нельзя ли освободить застрявшие лопасти рулей.

Они возились там долго, усердно, но все их усилия не привели ни к чему – им не удалось сдвинуть рули ни на сантиметр.

Снежков вернулся на центральный пост.

– Полный назад! – скомандовал он.

Он хотел вырвать лодку из песка. Заработали моторы, опять мелко задрожали стенки отсеков, лодка ожива, корма поднялась еще немного выше. И вдруг снова этот отвратительный лязг глубинных бомб, толчки, толчки, и, опрокинутые, мы покатались по покатоному полу к носу.

Снежков сразу остановил моторы.

– Они сторожат нас, – сказал Гусейнов угрюмо.

Было ясно, что с помощью моторов вырваться немцы нам не дадут. Они прислушиваются к нам там, наверху, так же, как здесь Митрохин прислушивается к ним. Шум наших моторов сразу выдаст нас. Пока мы маневрировали, они тоже слышали нас, но мы уходили от них, и им не удавалось в нас попасть. Теперь, когда мы неподвижны, попасть в нас нетрудно, и нужно сидеть тихо.

По правде сказать, я пришел к заключению, что тишина тоже не спасет нас. Давно я уже чувствовал, что мне не хватает чего-то. Пока грохотали глубинные бомбы, пока мы стремительно мчались по морскому дну, я не отдавал себе отчета, чего именно мне не хватает, но теперь я вдруг понял: мне не хватает воздуха.

Лодка уже много часов под водой, и воздух в ней не возобновлялся. Прибор мой по анализу состава воздуха был разбит, и я не мог испытать его, хотя представился такой удобный случай. Но я сам оказался достаточно точным прибором. Я дышал все чаще, стараясь извлечь из воздуха как можно больше кислорода.

Я видел, что и все вокруг меня дышат часто и то у одного, то у другого на лбу замечал мелкие капельки пота.

В лодке опять было совсем тихо, и почти не слышно стало голосов – говорить было уже трудно. Да и о чем говорить? Все было понятно каждому.

Я видел вокруг себя спокойные, обычные лица, разве только немного более сосредоточенные, чем всегда. И внутреннюю тревогу людей выдавали только те взгляды, которые каждый из них время от времени бросал на Снежкова. Они безмолвно спрашивали его: «А ты знаешь, что нужно делать?»

И Снежков так же безмолвно отвечал: «Знаю».

Не то чтобы у него был какой-нибудь особенно бодрый вид, не то чтобы он небрежно улыбался: пустяки, мол, нам это нипочем. Нет, он, несомненно, был очень встревожен и не скрывал этого. Вообще в нем не было никакого притворства, он нисколько не хорохорился. Но, встречаясь глазами то с тем, то с другим, он, казалось, каждому говорил: «Потерпи немного, еще не все потеряно. Я знаю, что нужно делать».

Начал он с того, что отвел нас всех в последний отсек, на корму. Мы столпились там в тесноте, удивленные, и ждали, что будет дальше.

Он остановился перед нами, маленький, и оглядывал всех.

– Нужно вытащить лодку из песка без помощи моторов, – объявил он. – Мы будем прыгать. Слушай мою команду. Раз, два, прыгай!

И мы стали прыгать. Одновременно подпрыгивали мы и потом всей тяжестью обрушивались на пол. Раз, два, раз, два, раз, два. Прямо передо мной стоял боцман Дыбин, и я смотрел в его широкую спину. Грузное тело его подымалось и опускалось, било в пол, как тяжелый молот. Раз, два, раз, два... До чего тяжело прыгать, когда не хватает воздуха! Пот выступает от каждого усилия, затекает в глаза, в уши. Мы мокры, словно нас только что выкупали. Раз, два... Долго ли можно так скакать? Еще прыжок – и все мы повалимся от изнеможения.

И вдруг с центрального поста голос:

– Лодка выпрямляется!

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
и действительно, наклон пола стал как будто не так крут. Значит, мы прыгаем
недаром.

– Прыгайте, ребята, прыгайте! – самозабвенно крикнул кто-то позади.

В восторге мы перестали следить за тем, чтобы подпрыгивать одновременно. Каждый прыгал по-своему, и в этом не было никакого смысла.

– Стой! – мягко сказал Снежков.

Обессиленные, мы прислонились к стенам, широко раскрыв рты. Нет, прыгать больше невозможно.

– А теперь обедать, – сказал Снежков.

б

Хотя мы не ели уже очень давно, есть никому не хотелось, и казалось странным, как в такую минуту можно было вспомнить об обеде. Но мы верили Снежкову, а потому и обедать пошли с таким чувством, словно этот обед может нам помочь подняться на поверхность.

Однако проглотить удалось лишь несколько ложек. Хотелось не борща, сваренного Сережей, коком-торпедистом, не каши с мясными консервами, а воздуха, только воздуха. У меня стучало в голове, и все лица видел я как сквозь туман.

Станный это был обед, молчаливый и чинный. Все на вид были совершенно спокойны, даже как-то слишком спокойны. Ни одно слово не было произнесено за столом.

Встав из-за стола, я случайно прошел мимо краснофлотца, сидевшего на корточках перед своим сундучком. К внутренней стороне откинутой крышки сундучка была приколата фотография. Я увидел прислоненную к плетню скамейку, подсолнечники за плетнем, а на скамейке старую женщину в шерстяном платке, которая сидела, положив ладони на колени.

Он рассматривал фотографию своей матери.

Он услышал, что я стою у него за спиной, повернул ко мне бледное лицо, нахмурился и захлопнул крышку.

После обеда Снежков созвал всех на нос лодки, в передний отсек.

Опять мы собрались, задыхающиеся, потеющие, с открытыми ртами, со вздутыми жилами на лбу.

Снежков построил нас попарно и повернул лицом к корме.

– Бегом марш! – скомандовал он.

Это была новая его идея: вырвать лодку из песка, перебрасывая всю команду с носа на корму и обратно. Это была последняя наша надежда. Мы все вместе побежали вверх по наклонному полу. В паре со мной бежал Гусейнов: кровь текла у него из носа, и он вытирал ее ладонью. Дыша этим отравленным воздухом, бежать было почти невозможно. Но мы бежали, так как Снежков считал, что это нужно. Мы бежали, так как знали, что надо бороться, пока не потеряли сознания от удушья. Добежав до кормы, мы медленно спустились к носу, построились, и опять:

– Бегом марш!

Снежков хотел раскатать лодку и освободить ее. После третьего пробега мы услышали голос боцмана Дыбина:

– Лопасты руля движутся!

– Двиньте ими еще раз! – крикнул Снежков.

Вернее, не крикнул, а прошептал, потому что кричать в этом полном углекислоты воздухе было уже невозможно. Мы замерли, ожидая.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
– Лопасты поворачиваются только на сорок градусов и дальше не идут, – сказал Дыбин.

Мы построились и побежали. Мы согласны были бегать без конца, лишь бы лопасти двинулись еще на один градус.

– Сорок пять градусов! – крикнул Дыбин.

Бегом на корму, шагом на нос, бегом на корму, шагом на нос. А сердце колотится так, что вот-вот лопнет.

Я прислонился к стене и широко открытым ртом глотал отравленный воздух. Прямо передо мной висел кусок электропровода, сорванный во время бомбежки. Пораженный, я смотрел на него, не отрывая глаз. Неужели а действительно провод висит вертикально?

– Капитан-лейтенант, – закричал я, показывая Снежкову на провод. – Да посмотрите же!

– Я знаю это уже две минуты, – сказал Снежков. – Мы освободились и лежим на дне.
– И, подойдя к Митрохину, спросил: – Ну, как?

Митрохин повернул к нему лицо, сжатое наушниками.

– Они сторожат нас, – сказал он.

7

Лицо Снежкова позеленело от удушья. Зеленый, с синими губами, с красными белками глаз, он сейчас вовсе не казался таким молодым и не был похож на переодетую девушку.

Я боялся, что он вот-вот упадет.

Но он не упал.

– Ну? – спросил он Гусейнова. – Что скажешь, штурман?

– Вздохнуть и умереть, – прошептал Гусейнов.

– Умереть? Зачем умереть? – спросил Снежков. – Пусть лучше они умирают.

И вызвал к себе орудийные расчеты.

А дальше все случилось так быстро, что я не успевал понимать, что происходит.

Моторы наши снова работали, и мы шли вверх. И сразу, чуть зашумели моторы, одна за другой взорвались три бомбы. Но мы продолжали подыматься, и по легкому покачиванию я понял, что мы вышли на поверхность.

Люк распахнулся мгновенно. И хлынувший оттуда воздух, влажный, холодный, свободный, живой, был так сладок, что за каждый глоток его можно было отдать жизнь.

Снежков первый выскочил на палубу, за ним поднялись артиллеристы, и желание, чтобы необычайный этот воздух охватил меня со всех сторон, было так сильно, что я тоже поднялся по трапу вслед за ними.

Я снова увидел небо, вражеский рейд, далекие домики, низкие берега шхер и три сторожевых катера.

Они неслись к нам с трех сторон, вздымая белые буруны, и орудия их гремели, и снаряды их подымали вокруг нас над водой высокие белые смерчи, перемешанные с бурым дымом. И тот катер, который был к нам ближе всех и загораживал нам выход в открытое море, начал разворачиваться бортом, чтобы ударить по нас из кормовых своих орудий. Он подставил нам свой борт, и сразу же наши орудия грянули, и черное облако дыма скрыло его.

Когда облако это рассеялось, катера на воде уже не было.

Мы неслись между островами, и с островов в нас стреляли, и два катера гнались за нами, стреляя. Но мы проскочили узкое горло пролива, и, когда море раскрылось перед нами во всю свою ширь, Снежков увел нас всех вниз, и лодка погрузилась, и катеры потеряли ее.

– Дайте мне чаю, – попросил Снежков садясь.

И когда торпедист Сережа принес ему крепкого, почти черного чаю, он вдруг весело-весело посмотрел на меня серыми глазами и спросил:

– А капитан Немо пил такой крепкий чай?

Но я не ответил. Теперь мне не понравилось, что он хочет быть похожим на капитана Немо. Теперь я уже думал, что капитану Немо далеко до него.

КАЙТ

1

Конечно, он не очень красив.

Шерсть на нем свалаялась, одно ухо торчит кверху, другое висит, и бегают он как-то боком – следы задних ног сантиметра на два правее передних. Порода? Какая там порода! Ни о какой породе не может быть и речи. Вернее, пять-шесть собачьих пород вместе. И все-таки не надо забывать, что с начала войны у него уже шестьдесят восемь боевых вылетов.

Если хотите знать подробности, обратитесь к начальнику строевой части полка старшему лейтенанту административной службы Сольцову. Сольцов все записывает, у него точнейший учет всех боевых действий каждого экипажа. На Кайта он тоже завел особый листок, только хранит его не в несгораемом шкафу вместе с остальными документами, а в своем личном ящике письменного стола. В этом листке вы можете увидеть, сколько за те боевые вылеты, в которых участвовал Кайт, уничтожено немецких танков, сколько потоплено транспортов, сколько разбито мостов и железнодорожных эшелонов, сколько подавлено батарей, сколько рассеяно и истреблено вражеской пехоты. Вы, конечно, можете сказать, что никаких тут у Кайта заслуг нет, потому что летал он только в качестве пассажира, и будете правы. Однако все-таки любопытно отметить, что собака принимала участие в таких великих делах.

Кайт вырос на аэродроме, среди самолетов, и привык к ним, как собака пастуха привыкает к коровам. Он нисколько не боялся шума и грохота моторов и отлично умел обращаться с самолетами – сторонился, когда они шли на посадку, чтобы не попасть под колеса, и знал, как встать при взлете, чтобы его не сбил с ног ветер винта.

Он родился незадолго перед войной, и вся жизнь его прошла на войне. Он понимал, что такое оружие, нисколько его не боялся, но был разумно осторожен. Когда оружейники испытывали на аэродроме пулеметы своих машин, Кайт умел отойти в такое место, где случайная пуля не могла задеть его. Когда немецкая артиллерия обстреливала аэродром, Кайт заходил в землянку, под укрытие, но делал это без всякой паники, спокойно, с чувством собственного достоинства.

На аэродроме было много автомашин, и он очень любил в них ездить. Когда летчики отправлялись на полутонне к своим самолетам, он бежал рядом и лаял до тех пор, пока его не подсаживали в кузов. Но больше всего на свете он любил ездить в «эмке» своего хозяина на охоту за вальдшнепами.

Предки Кайта, вероятно, нередко принимали участие в охоте, но ни одному из них не приходилось охотиться так, как Кайту. Мало кто знает, что такое охота на автомобиле. Но у нас на аэродроме этот род охоты был очень распространен.

Изобрел его хозяин Кайта капитан Кожич. Маленький, крепкий, узловатый, с черными глазами и черными франтовскими усиками, он становился на крыло «эмки», держа пистолет «ТТ» в руке. Друг Кожича, инженер-капитан Морозов, садился за руль,

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Кайт садился рядом с Морозовым. И они неслись по огромному пустынному аэродрому, по высокой, некошеной сентябрьской траве.

Не знаю, почему в ту осень было у нас столько вальдшнепов. Быть может, потому, что здесь, в прифронтовой полосе, за ними никто не охотился, или потому, что несмолкаемый грохот грандиозной битвы выгнал их из привычных лесов и полей и заставил переселиться сюда, к нам, в ближайший тыл. Целыми табунами ходили они по траве, тяжелые, разьевшиеся, ленивые.

Заметив вальдшнепов, Морозов гнал машину прямо к ним. Кайт подымал свое острое левое ухо – правое у него отчего-то плохо подымалось и всегда висело. Капитан Кожич ленивым и небрежным движением руки подымал пистолет. В этой небрежности и заключался главный шик – капитан Кожич был лучший стрелок в дивизии и гордился этим. Небрежно подымалась рука, щурился черный глаз, и раздавался отрывистый гулкий выстрел. Вальдшнепы неохотно взлетали и пестрой стаей неслись над травой. Одна птица оставалась в траве. Морозов резко, со всего хода тормозил машину.

Тогда наступала очередь Кайта. Морозов приоткрывал дверцу, и Кайт выскакивал. Вытянув хвост, большими прыжками мчался он к птице. В трех-четыре шагах от нее он внезапно останавливался, припав всем телом к земле. Он медленно подползал к ней на брюхе, словно она могла улететь. Потом бросок вперед – и он осторожно схватывал ее пастью, стараясь не помять ни одного перышка.

С птицей в пасти мчался он назад, к машине, и ложился перед Кожичем в траву, махая поднятым хвостом и глядя ему в глаза. Это был хороший взгляд, полный не раболепия, а дружеского лукавства: мы, мол, с тобой приятели, и мне удовольствие – оказать тебе услугу. Кожич нагибался, брал птицу и небрежно похлопывал Кайта по морде.

Кайт и Кожич были неразлучны. Если где-нибудь заметите вы Кайта с поднятым верху мохнатым хвостом, значит, сейчас же появится здесь и Кожич. Если Кожич посетит землянку своих техников и мотористов, значит, сейчас же раздастся скрип когтей под дверью, дверь откроется, и войдет Кайт, поочередно обнюхивая ноги каждого. Если Кожич играет в шахматы, Кайт сидит тут же на полу и не сходит с места, как бы долго ни тянулась партия, и только громко постукивает хвостом на полу.

Умение Кайта терпеливо ждать было удивительно, особенно если принять во внимание его необычайную подвижность и способность увлекаться пустяками. Он мог целые дни напролет гоняться за воробьями без всякой надежды поймать их. Заметив маленькую черную мышку, которых так много у нас на аэродроме, Кайт кидался к ней с такой стремительностью, что нередко переворачивался через голову. Мышка, конечно, успевала юркнуть в нору, и Кайт долго рыл землю лапами и мордой, а потом бесновался и прыгал вокруг. Однако, когда Кайт ждал на старте улетевшего Кожича, он, казалось, становился другим существом. Ни один воробей, ни одна мышь в мире не могли отвлечь его внимания. Когда Кожич, в шлеме и очках и уже не похожий на обычного Кожича, садился в свой самолет, Кайт неизменно подходил к нему проститься. Передними лапами скреб он колени Кожича, и Кожич похлопывал его по морде. Потом Кайт ложился в траву, крутились винты, трава дрожала от ветра, и самолеты мчались через весь аэродром к синему лесу и взлетали. И Кайт не спускал глаз с одного самолета – с того, на котором был Кожич. По направлению морды Кайта всегда можно было узнать, где, в каком уголке неба, находится еле видный самолет Кожича.

Но вот самолет уходил так далеко, что далее зоркие глаза Кайта не могли его разглядеть. Кайт продолжал лежать и ждать. Взлеты и посадки других самолетов не привлекали его внимания, разве только на мгновение повернет он к ним свою скучающую морду.

Проходили часы, солнце все выше подымалось по пустынному небу, становилось жарко, а он все ждал. Техникам привозили на старт обед, они угощали Кайта, но он отказывался.

Солнце ползло вниз, тени становились длиннее, а он все ждал. И вот наконец вдали, над зубчатыми вершинами леса, появлялись самолеты.

Кайт подымался, левое ухо его вставало торчком. Он весь приготовлялся к бегу. Самолеты в воздухе были неотличимы друг от друга даже для опытного глаза, но

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Кайт сразу узнавал самолет Кожича по одному ему ведомым приметам. И едва этот самолет в дальнем конце аэродрома касался колесами земли, Кайт срывался с места и мчался к нему навстречу. Потом бежал обратно рядом с ним, пока самолет заруливал к старту. Когда Кожич, подняв стеклянный колпак, вставал во весь рост, Кайт приходил в неистовство от восторга и с прерывистым визгом так прыгал, что подпрыгивал почти до кабины. Сняв шлем, Кожич спускался на землю, и Кайт едва не сбивал его с ног, прыгая и стараясь лизнуть в лицо.

2

Как уже сказано, Кайт летал только в качестве пассажира, но пассажиром он был образцовым. Его, очевидно, укачивало, и на пятой минуте полета он обычно уже спал, положив голову на переднюю лапу. Даже треск пулеметов во время схваток с «Мессершмиттами» не мог пробудить его, даже когда штурман Кожича начинал бомбить и бомбы взрывались, он продолжал спать. И только иной раз, когда слишком близко разорвавшийся зенитный снаряд потряхнет самолет и заставит его шарахнуться в сторону, Кайт откроет один карий глаз, поглядит невозмутимо на облачка разрывов, на скрещивающиеся струи траассирующих пуль и опять закроет его.

Капитан Кожич был так неразлучен с Кайтом, что многие дивились, когда он говорил, что не любит собак и что до Кайта он никогда не имел ни одной собаки. Кожич был прирожденный щеголь, даже в его небрежной походке, в его манере говорить было много щегольства; особое щегольство видели и в том, что он летает с собакой, но считали, что собаку ему следовало бы завести породистую, щегольскую, а не такую кудлатую дворнягу, как Кайт. Однако, когда ему говорили об этом, он сердился.

– Вот еще! – отвечал он. – Мне не надо никаких собак – ни породистых, ни дворняжек. А Кайта я не заводил.

И он был прав. Те, которые служили с ним с начала войны, знали, что Кайт вовсе не его собака, а старшего лейтенанта Манькова.

В полку осталось не так много людей, которые видели старшего лейтенанта Манькова, но слышали о нем все. Любой, даже самый молоденький летчик, только вчера прибывший из училища в полк на пополнение, мог бы вам рассказать про старшего лейтенанта Манькова и про его последний бой. О капитане Кожиче с уважением говорили:

– Это был лучший друг Манькова!

И рассказывали, как еще до войны в полку дивились их дружбе. Дивились потому, что трудно было сыскать двух других таких несхожих людей, как Кожич и Маньков.

Ни в чем не было между ними сходства – ни в наружности, ни в душевном складе, ни в привычках. Кожич был небольшой, смуглый, черноволосый, с маленькими изящными руками. Маньков был грузный, высокий, с волосами цвета соломы, с пухлым красным лицом, с огромными ручищами. Кожич был остро слов, едкий и насмешливый, и шуток его многие побаивались. Маньков был добродушен и в разговоре ненаходчив – тюлень тюленем. Кожич был честолюбив и изо всех сил старался всюду стать первым – в стрельбе, в плавании, в фигурах высшего пилотажа, в шахматах, в бою. Маньков был совершенно равнодушен к славе, и хотя и оказывался по большей части первым, но получалось это у него как-то само собой, без всякого усилия. По правде сказать, и сама дружба Кожича с Маньковым была основана на соперничестве: Кожич во всем старался обогнать Манькова, но это не часто ему удавалось.

До сих пор помнят отчаянные шахматные сражения между Кожичем и Маньковым. Кожич всех обыгрывал в полку, не мог обыграть только Манькова. Когда они играли, все собирались смотреть – так забавно горячился и сердился Кожич. У Кожича была шумная манера играть – он обычно вел себя крайне самоуверенно, расхваливал свои ходы, высмеивал ходы противника и старался запугать его. Он называл это «моральной атакой», и действительно противники его часто пугались, сбивались, путались и сдавали партию, когда еще можно было играть. Потом Кожич сам же высмеивал их. Но все выходы Кожича разбивались о непобедимое добродушие Манькова. Маньков играл спокойно, молчаливо и точно и этим выводил Кожича из себя. Чувствуя приближение проигрыша, Кожич кричал, что ладья Манькова стоит не на том месте, где ей следует стоять, или что Маньков нарочно посадил его слишком близко к печке, чтобы замутить ему голову, или что из-за темноты в землянке он по ошибке двинул не ту пешку, какую хотел, и поэтому может теперь ее не

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy.nikolai.ru отдавать. Особенно раздражал Кожича в такие минуты мохнатый щенок Манькова, маленький Кайт, вертевшийся под ногами. Кожич уверял, что паршивый щенок этот мешает ему думать, и, проиграв, сваливал на него всю вину. Он, вероятно, после какого-нибудь досадного проигрыша убил бы щенка пинком ноги, но Маньков всякий раз выручал Кайта – подымал его на своей широкой ладони и прятал подальше, за койкой.

Вообще Кожич не разделял любви Манькова к разным зверюшкам и презрительно фыркал, когда Маньков показывал ему какого-нибудь подобранного на дороге вороненка с перебитым крылом, или ежа, принесенного из лесу в голубой пилотке, или свою ручную белку. Эта белка до того привыкла к Манькову, что вскакивала на него с разбегу, как на ствол дерева, и сидела у него на плече, когда он гулял. Впрочем, с вороненком, ежом или белкой Кожич еще готов был примириться – на них действительно любопытно иногда посмотреть, – но что нашел Маньков в своем мохнатом щенке, он никак понять не мог.

Конечно, Кожичу приходилось волей-неволей мириться и с постоянным присутствием этого щенка, потому что сам он никогда не расставался с Маньковым, а Маньков никогда не расставался со щенком. Они спали втроем в одной землянке – Кожич, Маньков и Кайт. Они втроем купались в реке возле аэродрома – Кожич, Маньков и Кайт. Они даже обедали втроем: Кожич и Маньков – за столом, а Кайт – под столом. Однако Кожич никогда не снисходил до того, чтобы погладить Кайта, а Кайт никогда не осмеливался подпрыгнуть и лизнуть Кожича в лицо.

И уж совсем блажью считал Кожич выдумку Манькова брать Кайта с собой в полеты.

3

В то лето немцы наступали, и полк работал по уничтожению коммуникаций в немецком тылу. Это была изнурительная работа – по пять-шесть вылетов в сутки, ночью и днем, с кратчайшими промежутками для сна и еды. Прилетишь, вылезешь из кабины, ляжешь в комбинезоне на спину в траву возле самолета и жадно дышишь, пока оружейники подвешивают новые бомбы. Не успеешь отдышаться, перекурить – и снова полет на запад, навстречу огромной багровой вечерней заре, туда, где все небо рябое от мгновенных звездочек зенитных разрывов.

Командир эскадрильи был убит, и Кожич стал командиром эскадрильи. Теперь он водил свою эскадрилью в бой и первый взлетал с аэродрома, и все остальные самолеты пристраивались к нему в воздухе. Он придавал большое значение строю, он знал, что правильный строй делает их менее уязвимыми для «Мессершмиттов», потому что в строю они защищают друг друга своими пулеметами, он знал, что, когда они идут в строю, зениткам труднее к ним пристреляться, потому что строй рассчитан на то, чтобы ни один самолет не прошел по пути другого. И главное – он знал, что при железном строю от него одного зависит, прорвутся ли они вместе к той дороге, к тому мосту, к тому городу, который они должны поразить.

Маньков лучше всех держал строй и шел в воздухе всегда справа от Кожича. Сколько бы раз ни поворачивал Кожич голову вправо, он всегда на одном и том же расстоянии от себя видел самолет Манькова. Казалось, будто самолет Манькова висит в воздухе неподвижно. Это неизменное постоянство самолета Манькова всегда наполняло Кожича радостью и уверенностью. Когда путь им преграждал заградительный зенитный огонь такой густоты, что, казалось, и воробью не пролететь через него, Кожич смотрел на самолет Манькова и, видя его на прежнем месте, вел эскадрилью вперед, зная, что никто не свернет и не отстанет.

В тот душный день тучи шли низко, свисая почти до земли. Кругом горели подожженные немецкой артиллерией леса, и грязный дым висел во влажном воздухе, скрывая все дали. Лучше не было дня для удара по железнодорожному мосту, расположенному в трехстах километрах позади немецких армий. Это был самый главный мост для всего фронта немцев – от него расходились все пути, питавшие их наступление. Ни в одном месте не было у них столько зенитных батарей, как у этого моста, – два полка истребительной авиации охраняли его. Удар по мосту можно было нанести только внезапно. Это был самый подходящий день для того, чтобы подкрасться к нему исподтишка.

Эскадрилья поднялась и сразу потонула в тумане. Идти можно было только по приборам, как ночью. Клубы облачного пара, исполинские, медленно движущиеся, полные причудливых пропастей, обступали самолет Кожича со всех сторон. Кожич часто не видел не только своей эскадрильи, но даже крыльев своего самолета. В

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru такие минуты им овладевало беспокойство, и он напряженно ждал, когда туман хоть немного отступит. Он хотел видеть всех своих товарищей, он отвечал за каждого из них. И прежде всего из мути выплывал самолет Манькова, который висел справа от него, всегда на том же месте. И радость охватывала Кожича, и, успокоенный, следил он, как в слегка редющей мгле постепенно прояснились очертания всех остальных самолетов, идущих за ним журавлиным клином.

Так прошли они большую часть пути. Уже до цели оставалось каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут полета, когда Кожич стал замечать, что просторные пропасти между клубящимися громадами облаков наполняются перламутровым светом. Это был свет солнечных лучей, проникших сквозь тучи, и Кожич понял, что слой туч над землей редеет.

Вдруг тучи кончились, оборвались, и все шесть самолетов эскадрильи неожиданно для себя выскочили на ясный простор голубого неба.

Кожич не ждал такого подвоха и, по правде сказать, в первое мгновение даже растерялся. Пройти почти весь длинный путь скрытно – и под самый конец, когда до моста осталось десять минут полета, оказаться на виду у врага. Но не прятаться же снова в тучу, не возвращаться же, ничего не сделав! И Кожич повел свою эскадрилью вперед.

С земли их заметили почти сразу. Весь этот район немцы хорошо охраняли и всюду расставили посты наблюдения. В прозрачном воздухе ясного летнего дня советские самолеты были отчетливо видны. Сразу заработали зенитные батареи – и справа и слева.

Гроздь разрывов повисали в воздухе, пачкая небо. Эскадрилья Кожича шла все вперед и вперед. Когда разрывы начинали ложиться слишком близко, Кожич неожиданным рывком швырял свою эскадрилью то в один бок, то в другой, сбивая немецких зенитчиков с прицела и мешая им попасть. Он хорошо владел искусством противозенитного маневра и потому не слишком опасался зениток. «Авось не попадут, – думал он. – Лишь бы подойти к мосту, прежде чем подымутся «Мессершмитты».

Он подумал о «Мессершмиттах» и увидел их. Они шли парами, внезапно возникая в воздухе и стремительно увеличиваясь, и было их сначала две пары, потом четыре, потом шесть. Перед сомкнутым строем советских бомбардировщиков они немного замешкались. Но мост был уже близко, медлить они больше не могли и пошли в атаку – снизу, сзади и сверху.

Начался бой, и бой этот происходил так быстро, что Кожич не успевал следить за ним. Неяркие при солнечном блеске струи пуль скрещивались, потухали и вспыхивали вновь. Его стрелок-радист и его штурман вели огонь из своих пулеметов, и все штурманы и стрелки-радисты эскадрильи вели огонь. «Мессершмитты» тоже вели огонь, и уже дважды слышал он щелканье пуль по плоскостям своего самолета. Но он думал только о том, что надо дойти до моста, и уже видел впереди изогнутую ленту реки, сверкающую на солнце, как никель.

Вот уже один «Мессершмитт», крутясь, переворачиваясь боком через крылья, упал и исчез далеко внизу на темном фоне леса, а Кожич все еще вел свою эскадрилью, построенную в небе подковой.

Каждые две секунды он взглядывал на самолеты – вправо и влево. И всякий раз прежде всего вправо – на самолет Манькова.

И вдруг он увидел, как черный дым вырвался из самолета Манькова. Они уже дошли до реки и шли над рекой, отстреливаясь от истребителей. Дым был так густ, что временами окутывал весь самолет Манькова, как плащом, и скрывал его из виду. Длинным грязным хвостом тянулся он за ним в пронизанном солнцем воздухе.

Сейчас он упадет. Но нет, он не падает. Он по-прежнему идет вперед, этот упорный самолет, никогда не меняющий места в строю, и даже ведет огонь сквозь дым, окутывающий его. У Кожича сердце сжимается от муки. Вперед, вперед! Вот уже отчетливо виден железнодорожный мост через реку, тоненький, как струнка. Надо снижаться, почти немислимо попасть в мост с такой высоты. Вся эскадрилья идет на снижение, волоча полосу дыма за собой. В пылающем самолете Маньков летит справа от Кожича, не желая покинуть своего места в строю.

Кожич уже ложился на боевой курс, когда самолет Манькова выпал наконец из строя. Пылающий в воздухе костер устремился вниз. Но и пылая, и падая, он продолжал идти к мосту. Воля Манькова управляла им до последнего мгновения. Он разбился о мост, и бомбы взорвались, и, когда огромный клуб дыма отполз в сторону, Кожич увидел, что моста больше нет.

4

А как же Кайт? Находился на самолете Манькова и погиб вместе со своим хозяином во время его последнего подвига?

Так и решил Кожич, когда вернулся на аэродром и не нашел Кайта у старта. Но техники сказали ему, что Маньков на этот раз не взял Кайта с собою и Кайт ждал его, пока самолеты не вернулись на аэродром. Когда же он увидел, что на посадку идут не шесть, а пять самолетов и самолета Манькова нет между ними, он вдруг повернулся и побежал, побежал прочь, в дальний угол аэродрома, где рос не выкорчеванный еще ольшаник, и скрылся в кустах.

Четыре дня Кайт не появлялся, и никто его не видел. На пятые сутки ночью Кожич, лежа в землянке, услышал протяжный вой. Он накинул на себя реглан и вышел из землянки.

В темноте что-то мягкое, теплое прикоснулось к его ногам.

– Кайт!

Кожич нагнулся и погладил Кайта. Кайт подпрыгнул и лизнул его в лицо, как лизал прежде Манькова.

С тех пор они неразлучны.

ПАША ПАСЫНКОВ

Паша Пасынков нарочно принял весь огонь на свой самолет.

У немцев в Гатчине за каждым кустом была зенитная батарея, и, когда наши самолеты вывалились из туч и стали бомбить эшелоны, все эти батареи заговорили сразу. Шесть эшелонов стояли на путях; они взлетели в воздух, и столб дыма был такой, что его видели даже из Кронштадта.

Уходить нужно было немедленно, потому что немецкие зенитчики просто осатанели после такой неудачи, и многим из наших самолетов не удалось бы уйти, если бы Паша Пасынков, отбомбив один из первых, не сделал лишний круг над Гатчиной. Пока немецкие зенитки били в него, вся наша эскадрилья ушла в облака.

Все это, конечно, произошло гораздо быстрее, чем можно рассказать. Самолет Пасынкова был пробит в сорока местах и перестал повиноваться рулям. Как ни старался Пасынков, не мог он его повернуть ни вправо ни влево, ни вверх ни вниз.

С предельной скоростью неся он куда-то на северо-восток. Зенитки уже остались позади, и разрывов не было видно, но тут Пасынков заметил, что правое его крыло пылает. В первое мгновение он понадеялся, что благодаря скорости ему удастся сбить пламя. Но пламя цепко держалось за крыло и подползало к фюзеляжу.

Неуправляемый горящий самолет уже перемахнул через линию фронта и неся над нашими войсками. Тогда Пасынков приказал штурману Рысакову и стрелку-радисту Коробкину выпрыгнуть на парашютах. Впоследствии Рысаков рассказывал, что отлично понимал всю безнадежность положения и, прыгая, не сомневался, что Пасынков прыгнет вслед за ним. Но Пасынков не прыгнул.

Все трое были комсомольцы – Пасынков, Рысаков и Коробкин. Не знаю, сколько лет было Пасынкову, но на вид он казался слишком молодым даже для своего звания младшего лейтенанта. Родился и вырос он в Ленинграде, на улице Стачек, между Кировским заводом и Северной верфью. Он не выпрыгнул, так как видел, что его

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
горящий самолет несется, постепенно снижаясь, прямо на город, на вырастающие
впереди серые громады домов. Он подожжет дома, если упадет на городские крыши.

Исполинский кран Северной верфи чернел впереди, возвышаясь над домами. Паша
Пасынков решил попытаться повернуть самолет триммерами влево и бросить его в
воду залива.

Самолет уже почти не повиновался и триммерам. Однако все-таки он кое-как
завернул несколько влево, и Пасынков увидел под собой воду, несясь мимо
Торгового порта. Теперь нужно было заставить самолет нырнуть, и Пасынков,
работая триммерами, прижимал его к воде, но не успел: залив кончился, и самолет,
несясь над самой водой, влетел в устье Невы.

Слева были дома Васильевского острова, справа – судостроительный завод. Прямо
перед собой он увидел мост лейтенанта Шмидта.

Пасынков понял, что нырнуть в воду перед мостом он уже не успеет. Сейчас он
налетит на мост, разобьет его и разобьется сам. Оставалось только попытаться
перепрыгнуть через мост.

Он чуть-чуть приподнял самолет и пронесся над самым мостом, едва не задев за
трамвайные провода. Теперь в воду – как можно скорее в воду! Нырнуть бы тут,
посредине реки, как раз между Адмиралтейством и университетом! Но перед ним
возник новый мост – Республиканский, и он стремительно несясь к нему.

Он понял, что и здесь не успеет нырнуть, и в последнее мгновение, приподняв
самолет, перепрыгнул через Республиканский мост. Теперь он мчался вдоль Зимнего
дворца, волоча за собой длинную струю дыма. Самолет стал поникать к воде.
Пасынков понадеялся было, что ему удастся обрушить его в воду перед
Петропавловской крепостью. Но его все еще несло – прямо на Кировский мост.

Кировский мост был последний, через который он перепрыгнул. Горящий самолет,
перепрыгнувший через три моста, упал в воду напротив здания Военно-медицинской
академии, как раз перед Литейным мостом.

Пасынкова выловили из Невы краснофлотцы, проходившие мимо на моторном катере.
Ему удалось вылезти из самолета, он стянул с себя шлем, и голова его, с желтыми
волосами, то погружалась в воду, то опять появлялась на поверхности. Когда его
вытащили на борт, оказалось, что он совсем невредим, только брови сгорели. Он
был очень возбужден в первую минуту и все объяснял, что самолет непременно
подымут со дна.

– Ведь моторы совершенно целы, – повторял он. – Моторы – самое главное.

И катер провез его под тремя мостами, которые тоже были целы, и вечером он
явился в свою эскадрилью, которая уцелела, потому что он принял весь огонь
немецких зениток на свой самолет.

ТАЛИСМАН

Вам показалось, что он угрюмый? Он не угрюмый. Он неразговорчив, особенно с
людьми, которых мало знает. А мне известно, что он весельчак. Два года назад,
когда он был лейтенантом, я видел, как он катался с женой и приятелями в лодке
по Волхову. Он раскачивал лодку, брызгал водой, пел, баловался, словно
маленький.

А странная эта легенда о Феде Топоркове давно идет. Она, пожалуй, еще с училища
за ним тянется. С инструкторских еще времен.

Он ведь учился замечательно, по пилотажу кончил первым, и его оставили при
училище инструктором. И инструктор он был сначала хороший, да вдруг стал
откалывать чудеса.

Он вылетел на «У-2» в очередной полет с курсантом. Заметил глубокий, длинный
овраг (на Северном Кавказе такие овраги не редкость). Дно оврага поросло высокой
травой и кустами. Он покружил над оврагом, нырнул в него, помчался по оврагу

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru над самым дном. Колеса чуть не задевали за ветки кустов. На десятки метров вверх – обрывы и скалы. Впереди еще сложней, овраг сужается, делает резкий поворот. Здесь и птица пролетит с опаской.

Курсант не дышит. Впереди овраг настолько узок, что пролететь, ведя машину горизонтально, невозможно. Федя Топорков опускает одну плоскость, подымает другую, ставит машину боком. Один склон мелькает под колесами, другой – над головой. Вот и конец оврага. Курсант счастлив: сейчас они вынуждены будут подняться. Но нет. Федя разворачивает самолет и снова проходит весь овраг в обратном направлении.

А на другой день выкинул он знаменитую штуку с телеграфными столбами. Летел он над степью и вдруг заметил внизу телеграфную линию. Он спустился, нырнул под провода и пошел змейкой вдоль всей линии – один столб справа от себя оставит, другой слева.

Он так играл со смертью оттого, что была одна девушка, которую он полюбил в то время и на которой потом женился. О девушке этой я вам сейчас расскажу, а пока только замечу, что вон с каких времен, с училищных, пошла легенда, что смерть его не берет.

Девушку звали Нина, была она высока ростом, черноволосая, и в том южном городке на берегу Азовского моря считалась первой красавицей.

Она сама знала, что она красавица, и вела себя очень гордо. Покрасит губки, выйдет на бульвар под акации, а кавалеры за ней – целый взвод. И кавалеры – лучшие танцоры, самые бойкие в городе молодые люди. И всех их держала она в повиновении и страхе. Казалось бы, такому увальню, как Федя Топорков, и подступить к ней невозможно.

Однако он подступился и все эти свои штуки с оврагом и телеграфными столбами из-за нее выкидывал. И, видимо, не зря. Не знаю, как это у них все вышло, но стала Нина его невестой. И была права – из всех, кто за ней ухаживал, был он самый стоящий.

Он ей говорит:

– Будем мы с тобой жить по-хорошему, по-семейному, будут у нас и детки.

И вдруг она ему отвечает:

– Не знаю, будут или нет, а один ребенок у меня уже есть.

– Какой ребенок?

– А вот какой.

И показывает она ему плюшевого мишку.

– С этим мишкой, – говорит, – я все свое детство не расставалась. Еще прошлый год, я уже в последнем классе школы была, а все ему распашоночки шила.

И действительно, нашито этому мишке множество рубашечек из лоскуточков, навязано множество сапожков.

– Я, – говорит, – никогда с ним не расстанусь, я знаю, что он мне счастье приносит.

Хорошая была девушка. Очень она своего Федю полюбила.

– Что хочешь, – говорит, – для тебя сделаю.

И он ей:

– Что хочешь для тебя сделаю.

– А что же ты хочешь, чтоб я для тебя сделала?

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
– Брось губы красить. Не ради себя прошу, а ради своей матери. Повезу я тебя к себе на Ладугу, в деревню, а мать у меня женщина простая, деревенская, не нравятся ей крашенные губы. А что хочешь, чтоб я для тебя сделал?

– Брось летать. Очень я боюсь за тебя и не желаю вдовой оставаться.

Она, конечно, свое обещание выполнила, а он, конечно, своего не выполнил. Она примирилась. Только всякий раз, как Федя был в воздухе, становилась она бледна и молчалива.

Поклялся он ей, впрочем, что летать теперь будет аккуратно, разумно. И действительно, никаких глупостей он себе больше не позволял и стал отличным инструктором.

Но инструктировал он уже недолго, потому что вскоре после женитьбы перевели его приказом в наш полк, на Балтику.

Полк наш в то время стоял на острове в Балтийском море, и по дороге Федя завез молодую жену в свою деревню, на берег Волхова, к отцу, к матери.

Мать обрадовалась.

– Хорошо, – говорит, – что Феденька наш женился. Будут теперь у меня внуки.

А Нина ей:

– Не знаю, – говорит, – будут или нет, а только один, мамаша, уже есть.

И показывает плюшевого мишку.

Свекровь посмеялась, что замужняя женщина в куклы играет, и подивилась.

А Нина говорит:

– Этот мишка мне, видимо, счастье приносит. Всю жизнь он со мной, и всю жизнь я счастливая.

Прибыл Федя Топорков к нам в полк, на остров Сарема, один, без жены, перед самой войной.

И не то на пятый, не то уже даже на третий день войны пришлось ему вступить в бой с превосходящими силами противника.

Вылетели они звеном на охрану наших кораблей. Топорков шел в звене левым ведомым. И встретили они сорок «Юнкерсов», которые шли бомбить наш флот, и восемнадцать «Мессершмиттов». И вступили они втроем с ними в бой и расстроили их ряды, и ни одна бомба не попала в корабли. Бой этот длился двадцать семь минут, и сбили они за это время четыре «Юнкерса» и один «Мессершмитт».

Это была победа, но далась она дорогой ценой: командир звена, прекрасный старый летчик, был убит. Правый ведомый выпрыгнул из горящего самолета на парашюте, и его подобрала шлюпка с эсминца. И один только Топорков вернулся невредимым на целехоньком самолете.

Вот тогда и вспомнили в полку старые училищные разговоры, что Топоркова смерть не берет. А тут, как нарочно, в скором времени Топорков из такого дела живым вышел, что даже поверить трудно.

Эвакуировались мы с острова Сарема. Всю южную часть его уже заняли немцы. Но истребители всегда уходят последними: они должны прикрыть эвакуацию с воздуха.

Полк перебрался на самый северный мыс и стал там прямо в поле. С этого мыса мы работали. А немецкая артиллерия нас обстреливала.

Осколок снаряда попал в самолет Топоркова и повредил мотор.

Ремонтная наша мастерская к тому времени уже уехала, и техник Сидоров принялся сам чинить мотор. Знаете Сидорова? Высокий, костистый и упрямый. Корабли наши

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru уже ушли, немцы подобрались совсем близко, а он все чинит и чинит. И Топорков ему помогает. Наземные работники нашего полка давно уехали. Приходит приказ – летчикам перелететь на Ханко. А у Топоркова самолет не готов.

Да разве его починишь, когда инструмента нет, а мотор вдребезги? Предлагают Топоркову и Сидорову лететь на «Дугласе» пассажирами – рейс самый последний. Но «Дуглас» их ждал, ждал, они не явились, он и ушел без них.

А они всё со своим самолетом возьмется. В последнюю минуту придумал Сидоров поставить на самолет другой мотор – с одной брошенной, разбитой машины. Мотор был тоже поврежденный и, главное, неподходящий – другого типа. Как он его приспособил, не знаю, я не техник; как говорят, «на скорую руку проволочками прикрутил». Топорков посадил Сидорова к себе за бронеспинку – такого длинного! – и взлетел! И чуть взлетел, на мыс немецкий танк выехал.

Летят они через море вдвоем на истребителе, а мотор по частям разваливается. Топорков набрал высотенку сколько мог, стал тянуть и планировать. Уж как он там планировал, не скажу, а допланировал до Ханко, до аэродрома. Если бы он из гроба живым вышел, не так бы удивились.

Стал он драться на Ханко. Он не только во всех самых отчаянных схватках был, но даже на таран ходил. Таран, сами знаете, дело рискованное, не всегда выгодное, тут часто получается размен фигур, как говорят шахматисты. Еще летчик может на парашюте выпрыгнуть, а как свою машину спасти? Не придумаешь, как и сделать...

Но у Топоркова просто другого хода не было. Он возвращался из боя над морем без патронов, на последнем горючем, когда вдруг к нему привязался «Мессершмитт». Топорков от него вниз, к воде, тот за ним лезет и лезет. Видит, что Топоркову стрелять нечем, и думает – дело верное.

Топорков развернулся и пошел на таран. Немец вовремя понял и нырнул под Топоркова, к воде. Но не чисто сделал эволюцию, задел плоскостью за воду и переломился.

И вернулся Топорков невредимым на невредимом самолете.

После Ханко зимой перебросили наш полк на берег Ладожского озера – охранять знаменитую ледовую дорогу, последний путь, соединявший осажденный Ленинград с остальной страной. И оказался Федя Топорков в каких-нибудь пятнадцати километрах от родной деревни, от отца с матерью, от своей Нины.

Вот до чего ему везло!

Тут я впервые увидел эту Нину – она приехала к мужу в гости и сидела рядом с ним в нашей лётной столовой. Высокая, чернобровая, с большими глазами и мягкими пухлыми губами – у нас на севере таких редко встретишь. Я сразу заметил, что она беременна. Когда Федю по телефону внезапно вызвали из столовой на аэродром, к самолету, она резко побледнела, и я подумал, что не нужно ей у нас оставаться.

Да она и не осталась – в тот же вечер уехала домой. Она работала сестрой в госпитале, который разместился у них в деревне, и часто разговаривала с Федей по телефону. А Федя, когда возвращался с боевого задания, всякий раз норовил пролететь над родной деревней. Снизится над отцовским домом и видит, как отец колет на дворе дрова, как мать вешает белье на веревку, как жена стоит на крыльце и машет ему рукой.

Однажды она не сразу вышла к нему на крыльцо, проспала, что ли, он встревожился и дал очередь из пулемета в воздух. Она выбежала на крыльцо, он успокоился и улетел.

Как-то раз в нелетную погоду поехал он к ней в гости вместе с тогдашним комиссаром третьей эскадрильи Виктором Михайловичем Коробейниковым.

Был Коробейников человек насмешливый и веселый. Пошли они втроем погулять – Коробейников, Федя Топорков и Нина. По деревенской улице идет им навстречу цыганка – молодая, красивая, вся в какие-то цветные шали закутана.

Коробейников кричит ей:

– Эй! Погадай!

А она:

– Да что тебе гадать, ты и сам все знаешь.

Но он не отстает: погадай да погадай.

– Я не из тех цыганок, – говорит цыганка, – которые гадают, а из тех, которые на оборонных работах работают.

Но все-таки остановилась, смеется.

А Коробейников:

– Нет, уж ты признавайся по дружбе: гадать не забыла?

– Забыть не забыла.

И пошла.

– Погадай ты мне, очень тебя прошу! – крикнула Нина цыганке вслед.

И такой голос у нее был взволнованный, что цыганка сразу остановилась.

– О чем же тебе погадать?

– Ответь ты мне, сделай милость, убьют моего мужа или нет? Я мигом домой сбегаю, тебе карт принесу...

– Этот твой муж? – спросила цыганка, поглядев на Федю.

– Этот.

– Так я тебе и без карт скажу: не убьют.

– Почему ж не убьют?

– А потому что у него талисман есть.

Вот когда это слово в первый раз выплыло: «талисман».

Нина обрадовалась, спрашивает цыганку:

– Что тебе дать за гадание?

А цыганка:

– Вот еще! Стану я у тебя брать! Может, я богаче тебя, ты почем знаешь?

Об этом разговоре Коробейников нам со смехом рассказывал, но потом перестал смеяться, когда оказалось, что действительно талисман есть. Напротив, он очень был недоволен, потому что не любил предрассудков.

О талисмানে проболтался техник Сидоров. Долговязый, костлявый этот техник до того Топоркову был предан, что все дивились. С тех пор как Топорков вывез его на своем самолете с острова, он к Топоркову привязался. Человек он был одинокий, бессемейный, никому на свете даже писем не писал, и вся жизнь его стала – Топорков и его самолет. На аэродроме у самолета проводил он и день и ночь – все что-то чистит, чинит, заряжает. В самые зверские морозы не загнать его было в землянку, даже обедать забывал ходить – такой упрямый! Ну, конечно, самолет Топоркова всегда в лучшей готовности, – с таким техником можно жить, забот не зная.

О Топоркове он хлопотал, как о самолете. Был он Топоркову вроде няньки: всегда

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru посмотрит перед вылетом, как он одет, да все ли на нем застегнуто, да смазаны ли щеки жиром, чтобы не поморозиться, да не налип ли снег на унты. По вечерам его спать загонял, чтобы успел Топорков выспаться, кипятил ему чай на старте, сам относил в самолет да еще дул в стакан, чтобы Топорков не обжегся. Даже Нине один раз отправил подснежной клюквы: ей, мол, в ее положении нужны витамины. Впрочем, Нину он не любил – ревновал, что ли.

При всей своей упрямой замкнутости проболтался он как-то приятелям, что Топорков в каждый полет берет с собой плюшевого мишку, и давно уже – с начала войны. Мишка этот хранится у Сидорова, и Сидоров перед каждым полетом сует его Топоркову в кабину, не знаю уж, в какое место. И Топорков в бою, в минуту опасности, непременно коснется его рукой.

От приятелей Сидорова стало это известно всему полку.

Многие даже видели мишку, и все заговорили, что у Топоркова есть талисман.

Коробейников, признаться, даже расстроился и рассердился: серьезный человек, серьезнейшим делом занят, и вдруг к этому делу такой вздор примешал. В этом духе рассуждал он с многими нашими летчиками и техниками, и все слушали его и с ним соглашались.

В конце концов Коробейников решил поговорить с самим Топорковым. К решению этому он пришел не без колебания: отняв мишку, в которого Топорков верит, если только Топорков в него верит, он может лишиться его уверенности в себе, столь необходимой в бою. Но, поразмыслив, он пришел к выводу, что подобные опасения недостойны ни его, ни Топоркова, а потому к разговору все-таки приступил, начав его так:

– Ты веришь в мишку?

Топорков подумал, нахмурился и ответил:

– Нет.

– Чего ж ты его возишь с собой?

– Так Нине спокойнее, – сказал Топорков.

Но Коробейников гораздо меньше интересовался Ниной, чем Топорковым.

– А тебе спокойнее? – спросил он,

– Раз Нине спокойнее, спокойнее и мне.

На этом разговор оборвался, и Топорков продолжал летать с мишкой.

Как-то раз в феврале к нам на командный пункт дозвонилась санитарка, работавшая вместе с Ниной в госпитале, и вызвала Топоркова к телефону. Она сказала ему, что у Нины роды начались еще вчера с вечера, что проходят не совсем гладко и что до сих пор она еще не родила.

У Федя все лицо вдруг стало мокрым – в мелких капельках, как в бисере. Он повесил трубку и пошел к командиру полка проситься, чтобы отпустили его на несколько часов к жене. Но тут в полк позвонили, что к Кобоне, перевалочному пункту на берегу озера, двигается группа «Юнкерсов» – бомбить грузы, предназначенные для Ленинграда. И командир полка приказал Топоркову вылететь.

Случилось так, что за день до того две эскадрильи нашего полка ушли на другой аэродром для выполнения одной короткой, но важной операции, а третья эскадрилья, в которой был и Топорков, полчаса назад поднялась почти вся в воздух на прикрытие транспортных самолетов, возивших грузы через озеро. И на аэродроме оставалось только два самолета – Топоркова и его ведомого, сержанта Тоболкина, недавно прибывшего из школы.

День был с утра морозный, ясный, но сейчас, к полудню, с озера уже ползла муть, и синева неба бледнела. Топорков побежал к самолету по слепящему твердому снегу. Сержант Тоболкин едва поспевал за ним.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
– Ты только не отрывайся, – сказал Топорков, – и делай, что я.

Сидоров уже запустил мотор и помог ему вскочить в кабину. Топорков взлетел и направился прямо к озеру, поспешно набирая высоту. Он раза два обернулся, посмотрел, идет ли за ним Тоболкин. Тоболкин послушно шел за ним в хвосте, не отставая.

Потом Топорков увидел пять «Юнкерсов» – они шли черной цепочкой один за другим, и очертания их слегка расплывались в дымке. Пушинки зенитных разрывов возникали то справа от них, то слева.

Топорков развернулся и пошел на сближение. Когда передний «Юнкере» возник перед ним в прицеле, распластав все увеличивающиеся крылья, он привычно дотронулся рукой до того мягкого шерстистого предмета, который лежал у него сбоку на обычном месте. «Юнкере» уже вел огонь, размахивая в воздухе огненными жгутами очередей, но Топорков продолжал идти на сближение, широкими рывками швыряя машину из стороны в сторону.

Стрелять он начал с пятидесяти метров. «Юнкере», окутанный дымом, накренился на левый бок. У Топоркова не было времени смотреть, что с ним будет дальше, потому что еще четыре «Юнкерса» были впереди. «Тоболкин добьет его», – подумал он с надеждой и сразу увидел второй «Юнкерс»,

Чуть дотронувшись до мягкого, он бросил машину в пике и вывел ее из пике как раз под брюхом второго «Юнкерса». Машина выполнила маневр с такой точностью, что он испытал наслаждение. Он полоснул по всему брюху «Юнкерса» от носа до хвоста и проскочил у него за хвостом, продолжая подыматься.

Теперь третий «Юнкере» был как раз под ним. Опять прикосновение к мягкому, и Топорков, перевернувшись, оказался у него в хвосте. Оба стрелка с «Юнкерса» вели огонь, но Топорков зашел в мертвый конус и убил обоих – сначала верхнего, потом нижнего. Он расчленил «Юнкере» опытной рукой, действуя почти механически, с точностью хирурга. Третий «Юнкере» сорвался, упал и исчез в облаках, потому что к этому времени дымка уже сгустилась и над землей были облака.

Два последних «Юнкерса» уходили и уже едва были видны, и за ними гнался Тоболкин, совершенно ошалевший от возбуждения.

Топорков слышал у себя в шлемофоне его бессмысленные возгласы и приказал ему немедленно вернуться. Во-первых, раз дело сделано, пора домой, нечего зря задерживаться, когда с Ниной так плохо, а во-вторых, нельзя разлучаться, если поблизости могут быть «Мессершмитты».

Едва он подумал о «Мессершмиттах», как сразу увидел их: один справа, другой слева, и оба шли на него в атаку. Тот, который атаковал справа, был ближе на несколько сот метров, на несколько секунд, и Топорков понял, что в этих секундах – все.

Схватившись за мягкое, он развернул свой самолет вправо, встретил атакующий «Мессершмитт» в лоб и сбил его с одной очереди. Он знал, что теперь второй «Мессершмитт» у него прямо на хвосте, что разворачиваться уже нет времени и что есть только один способ уйти – сорваться в штопор. И он сорвался и открутил полных три витка штопора, падая рядом со сбитым «Мессершмиттом».

Он вышел из штопора над самыми облаками и увидел второй «Мессершмитт», который пикировал на него, но промахнулся. Дотронувшись до мягкого, Топорков атаковал «Мессершмитт». Тот атаки не принял и двинулся вниз, стараясь зайти под Топоркова. Топорков сделал полупереворот – и за ним. «Мессершмитт» пробил облака и устремился к земле. Топорков – за ним.

Под облаками Топорков увидел родную деревню, дом, в котором лежала Нина. Ему казалось, что, если бы не шум мотора, он слышал бы ее крик. Ему необходимо немедленно съездить к ней, но проклятый «Мессершмитт» задерживал его. В бешенстве он гнался за «Мессершмиттом».

«Мессершмитт», дойдя почти до земли, пошел свечой вверх. Топорков за ним.

«Мессершмитт» пробил облака.

Топорков пробил облака.

Выскочив из облаков, он чуть не столкнулся с «Мессершмиттом». Он дал две очереди, и из «Мессершмитта» повалил дым.

Опустив левое крыло, «Мессершмитт» пошел вниз и опять пробил облака. Топорков тоже пробил облака. Они мчались почти до самой земли, и Топорков думал, что «Мессершмитт» сейчас врежется в землю и тогда можно будет вернуться на аэродром и поехать к Нине.

Но «Мессершмитт» не хотел отпускать его к Нине. Почти коснувшись земли, он, горящий, опять полез вверх. Топорков дал по нему еще очередь. «Мессершмитт» все еще держался в воздухе, выразил под облаками, волоча за собой грязный дым и доводя Топоркова до отчаяния.

Топорков поймал его на вираже и сбил. «Мессершмитт» падал, крутясь и ныряя, но, пока он не свалился в елки, Топорков следил за ним, боясь, как бы он снова не полез вверх.

На обратном пути к Топоркову пристроился сержант Тоболкин, и они вместе вернулись на аэродром.

Встречать Топоркова сбежались все. Казалось, с ума посходили: кричали и прыгали, потому что все уже знали, что за какие-нибудь сорок минут он сбил пять немецких самолетов, не получив ни одной царапины.

Ну, что вы скажете? Небось вы скажете, что талисман себя оправдал?

И ошибетесь, ей-богу, ошибетесь. Дело в том, что Топорков на этот раз летал без талисмана.

Техник Сидоров перед вылетом Топоркова не поспел сбежать к себе в землянку за мышкой – вылет был слишком внезапный, – и в последнее мгновение, впопыхах, он положил на то место, куда обычно клал мышку, свою меховую шапку.

И Топорков летал с шапкой Сидорова вместо мышки, а Сидоров, поджидая его, мерз, простояв сорок минут на морозе с голой головой, и мучился. Не от мороза он мучился, а от угрызений совести.

И когда Топорков вышел из кабины, шапка Сидорова упала в снег, и Сидоров поднял ее и надел. Он ее надел, потом опять снял, потом опять надел, не зная, как посту-пить, виновато и робко смотря на Топоркова. Он все ждал, что Топорков ему что-нибудь скажет.

Но Топорков ничего ему не сказал, а сразу сел в легковую машину командира полка и поехал к Нине.

И оттого, что Топорков ничего ему не сказал, угрызения совести у Сидорова еще усилились. Заправив самолет и поставив его в рефугу, он вдруг пошел в землянку, взял мышку, сел на проезжавшую мимо грузовую машину и поехал в деревню Топоркова.

Он вошел в жарко натопленную избу. Топорков стоял посреди избы и прижимал кричащего, туго спеленатого сына к своей груди, к синему комбинезону. Нина лежала и кровати и смотрела на мужа и на младенца.

К появлению мышки они отнеслись равнодушно. Они не посмотрели на мышку даже тогда, когда Сидоров вдруг заулыбался и швырнул его в угол и тот упал на свою плюшевую спинку, подняв вверх короткие толстые лапы.

И правильно. Зачем теперь Нине этот мышка, когда у нее есть живой, кричащий? Зачем Феде Топоркову талисман, когда у него есть целых два талисмана – смелость и уменье?

ДВОЕ

1

Ночью 13 марта 1942 года мой самолет, перелетев финский залив, падал, подбитый автоматчиками, в лес за линией фронта.

Я не испугался, – впрочем, я вовсе не хочу сказать, что я храбр. Я вообще за последнее время перестал испытывать чувство страха с прежней остротой – вероятнее всего от усталости и постарения. Все-таки мне уже сорок два года.

Перед войной у нас в гражданской авиации про меня говорили, что я вылетался. Так оно и было – я вылетался. Не то чтоб я ослабел или разучился летать, а просто полет перестал доставлять мне прежнее удовольствие. Тут, может быть, повлияли и некоторые мои печальные семейные обстоятельства. Человек я стал рыхлый, сидячий. Я подавал заявление в аэроклуб, просил принять меня на должность преподавателя аэронавигации – теоретический курс. Но настала война, и заявление я взял обратно. Вот и вожу на своем У-2 разный военный народ по всей Балтике.

В задней кабине у меня сидела женщина. Я представления не имел, кто она такая, не знал даже, какое у нее лицо. За пятнадцать минут до того, как меня сбили, мы, человек пять, шли в темноте по аэродрому к самолету, и с нами была женщина в платке и овчинном тулупе. Я знал, что мне нужно забросить в тыл немцам кого-то, но представления не имел, что мы полетим именно с этой женщиной, а потому к ней не приглядывался. И только когда она села в кабину, я спросил ее, прыгала ли она когда-нибудь раньше на парашюте. Но что она мне ответила, я не слышал, потому что винт уже крутился.

Когда над захваченной немцами землей сдало магнето, я испытывал не страх, а чувство неуютности и досады. Я слишком был занят в эти мгновения, я не успел представить себе, что со мной будет, но знал, что будет нечто хлопотливое, связанное со снегом, ночью, беготней. И, как назло, эта женщина, с которой тоже нужно возиться.

Я планировал. Немцы потеряли нас в темноте и стрелять перестали. Высота быстро падала. Через две минуты будет земля.

Я оглянулся. Женщина сидела на борту, опустив ногу за борт. Помню эту ногу, короткую, крепкую, в белом шерстяном чулке и большом башмаке. Я сразу понял, что она решила, будто мы долетели уже до того болота, где я должен был ее выбросить, и планируем, чтобы дать ей возможность прыгнуть.

– Садись! Назад! – закричал я.

Но она не расслышала, она решила, что я кричу ей: «Прыгай скорей!», и перекинула через борт вторую ногу.

А мы были уже совсем низко. Бесшумно пролетели мы над крышами деревни, стоявшей на берегу озера. В избах свет, по улице ползет автомашина. Я тянул, сколько мог, к югу, к озеру. Самолет ткнулся носом в снег и приподнял хвост. До деревни было не больше пятисот метров.

2

Тишина ночи охватила нас со всех сторон. И вот тут стало жутко. Тишина, оказывается, страшнее всего. Нужно как можно дальше уйти от самолета.

– Вылезай, – шепотом сказал я женщине.

Она освободилась от парашюта и стала вылезать. Вылезла она почему-то не в мою сторону, а в противоположную и оказалась за самолетом. Потом отошла шагов на десять и уставилась на меня, на самолет. Небольшая, она казалась широкой в своем тулупе. Лица ее я в темноте не видел.

Да и не старался увидеть. Я думал о том, как я пойду в своем темном комбинезоне по льду озера. Меня сразу заметят. Нужно прикрыться чем-нибудь белым, чтобы не так бросаться в глаза на снегу. Чем? И я взглянул на белый шелк парашюта.

Я решил укрыться парашютом, отрезав от него стропы. Я вытянул их, скрутил в жгут и спросил женщину:

– Нож есть?

– Зачем тебе нож? – спросила она.

Я понял, что нож у нее есть.

– Дай нож.

Она не сдвинулась с места. Руку она держала за пазухой, на груди.

– Дай нож! – повторил я, теряя терпение.

– Зачем тебе нож? Я сама отрежу, что нужно.

Тут только я начал догадываться. Она не поняла, что с нами произошло. То, что мне казалось ясным, простым, не требующим объяснений, было для нее непонятным и подозрительным. Не знала она, что если разбит картер и не работает магнето, летать нельзя. Вместо того чтобы сбросить ее на парашюте над условленным местом в болоте, я посадил ее на лед возле захваченной немцами деревни, где горят огни, движутся автомобили. Она смотрела на меня, незнакомого человека, и размышляла, кто я такой. А вдруг я – предатель?

Это не вызывало во мне ничего, кроме досады. Мне было все равно, что она думает. Скоро рассвет. Я торопился, я очень торопился, у меня не было времени спорить и объяснять.

– Режь! – сказал я, показав на стропы парашюта.

Она поняла, подошла, вынула из-за пазухи длинный финский нож и обрезала стропы. Помню, я подивился, до чего остер этот нож – стропы распались без всякого усилия от одного прикосновения.

– Давай бить самолет, – сказал я.

Она посмотрела на меня, но не сдвинулась с места. Рука ее снова была за пазухой – она, видимо, не выпускала ножа. Я не стал ждать и влез в кабину. С размаху ударил я палкой по приборам. Стекла приборов звякнули громко, как выстрел. Я замер, прислушиваясь, не в силах вздохнуть. Разбил радиостанцию, опять прислушался. Все тихо. Хорошо бы поджечь самолет. Но об этом нечего было и думать – огонь выдал бы нас сразу. Я взял из неприкосновенного запаса мешочек с сухарями, две банки консервов и спрыгнул на лед.

Развернув шелк парашюта, я накинул его на себя и на нее. Она отпрянула, выскользнула. Я раздраженно объяснил ей, что под парашютом мы не так будем заметны. Она подумала, взяла край парашюта и накрыла им голову. Ростом она едва достигала до моего плеча. Она стала справа от меня, чтобы я не мог схватить ее за правую руку.

И мы пошли.

3

Пузырчатый шершавый лед трещал под ногами оглушительно. Я пошел на запад, потому что на западе зубчатый еловый лес был ближе всего. Я торопился, мне хотелось как можно дальше уйти от самолета, пока не начнет светать.

Вздрагивая при всяком хрусте, я шагал широко, и на каждый мой шаг приходилось два шага женщины, шедшей рядом со мной. Двигалась она очень легко, плавной походкой, и подымала гораздо меньше шума, чем я. Она вовсе от меня не отставала, но я, боясь погони, торопил ее и даже иногда пытался подтолкнуть, дотронувшись до ее спины под парашютом. Однако она не давала мне коснуться себя и всякий раз отскакивала в сторону.

– Я потеряла перчатку, – сказала она вдруг и остановилась.

– Идем, идем!

Мне было жарко, и я считал, что вполне можно обойтись без перчаток.

Но она вылезла из-под парашюта и пошла назад. Я остановился, глядя ей вслед. Избы были уже не видны, но я знал, что деревня близко. Я нетерпеливо топтался на месте; мне хотелось скорее оказаться в лесу. Я ненавидел ее в эту минуту.

Она шла не торопясь, опустив голову. Несколько раз она быстро обернулась и взглянула на меня. Удаляясь, она постепенно растворялась во тьме. Наконец она остановилась. Я не видел, как она нагнулась, мне даже казалось, что она не нагибалась вовсе. Я не видел ее лица, но мне чудилось, что она стоит и смотрит на меня. Это тянулось так долго, что я чуть было не крикнул. Но кричать было нельзя.

Она вернулась, и я спросил ее: «Нашла?» Она кивнула и накрылась парашютом. И мы пошли дальше.

Лес приближался быстро, вырастая зубцами во мраке.

– Куда ты собираешься пойти? – спросила она вдруг.

Я еще об этом хорошенько не думал, я хотел скорее дойти до леса.

– Мы пойдем на север, к морю, – сказал я. – Через море будем добираться к нашим.

Она ничего не ответила, да мне и не нужно было ее ответа. До леса оставалось шагов сто, не больше, он высокой черной стеной возвышался перед нами. Здесь, возле берега, лед стал совсем другой – гладкий, как на катке, без заструг. Мы скользили, мы двигались, почти не поднимая ног. Подошвы моих меховых унтов обледенели, и я едва удерживал равновесие. Несмотря на то что я торопился, женщина теперь обгоняла меня, и я едва поспевал за нею.

Я услышал тихий плеск, нежный, еле уловимый, но не успел подумать, что он означает. И меня с силой рвануло вперед.

Путь к берегу нам преграждала широкая полынья. Вероятно, здесь в озеро впадала незамерзающая речка. Женщина соскользнула в воду и уцепилась за парашют. Парашют потянул меня.

Я упирался изо всех сил, но мои ноги медленно скользили. Мне удалось было остановиться, и я схватил ее руку. Но сразу же снова начал скользить.

Она лежала ничком всем туловищем на льду, и только ноги ее были в воде. Она пыталась упереться в лед коленями, но кромка льда подламывалась, и колени уходили в воду. Она медленно соскальзывала, таща меня за собой.

Я тоже лег ничком на лед, и мы лежали друг против друга, держась за руки. Все тело мое было напряжено до боли, я упирался коленями и локтями. Иногда нам удавалось приостановить движение, и тогда мы лежали, боясь шевельнуться, и я чувствовал ее дыхание у себя на лице. Потом мы снова начинали медленно-медленно скользить, и борьба возобновлялась. Хуже всего было то, что я заметно слабел.

Вдруг я почувствовал, что она пытается освободить свои руки из моих рук.

– Отпусти меня, – сказала она.

Я не сразу ее понял.

– Отпусти меня и уходи.

Я вцепился в нее еще крепче, поднялся на колени, одним рывком вытащил ее из воды, упал на спину и опрокинул ее на себя.

Мы долго лежали у самого края, громко дыша. Нужно было ползти прочь от воды, но не было сил шевельнуться. Небо над нами бледнело, приближался рассвет. Я знал, что нужно идти сейчас же, иначе будет поздно, но только лежал и дышал.

Потом я услышал, как у нее стучат зубы. Она вымокла до пояса, и теперь на морозе ее лихорадило.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
– Пойдем, – сказал я и, пересилив себя, осторожно поднялся. – Если бы ты могла хотя бы переобуться.

– Я переобуюсь, – сказала она.

Она расстелила парашют и ощупала его. Парашют намок только с краю, большая часть его была сухая. Ловко и быстро отрезала она от него два куска, сделала портянки и, разувшись, перебинтовала себе ноги. Поверх портянок надела она свои чулки, выжав их. Потом вылила из башмаков воду и обулась.

– Ну, пойдем, – сказала она.

Мы снова накрылись парашютом и пошли.

4

Уже заметно светлело, а мы все еще были на льду озера. Мы шли вдоль полыньи, надеясь обогнуть ее и выйти на западный берег, но полынья не кончалась. Берег был совсем близко, и вершины елей отражались в еще по-ночному темной воде. Но добраться до него мы никак не могли, полынья все тянулась, и я стал думать, что она тянется вдоль всего западного берега во всю длину озера, до самого дальнего – южного – конца его. Если продолжать идти в этом направлении, мы будем на льду еще и тогда, когда станет совсем светло, и нас увидят сразу со всех берегов.

До восточного берега было гораздо ближе. Низкий, болотистый, он был почти незаметен ночью, когда мы сели на лед, но теперь, в утренних сумерках, я видел его хорошо. Я бы охотно свернул к нему, но, чтобы добраться до него, нужно было снова пересечь озеро как раз перед деревней.

Она заметила мою нерешительность и вдруг круто свернула прочь от полыньи, к восточному берегу. Я послушно пошел за ней.

Сумерки редели. Небо было облачно, но за облаками уже чувствовалось солнце. Деревня видна была вся, – засыпанная снегом, широкой подковой окаймляла она северный берег озера. Укрытые парашютом, мы шли не отрывая от нее глаз.

Там все было неподвижно. Даже у моего самолета никого, – я хорошо видел самолет, он стоял на льду между нами и деревней.

И вдруг со стороны деревни на лед озера спустилась лошадь, запряженная в дровни. Мы упали, прикрылись парашютом и замерли. Впрочем, я уже не сомневался, что нас все равно заметили, что едут за нами.

Лошадь двигалась медленно, шагом. Пройдя метров сто по направлению к нам, лошадь остановилась, и тут я увидел, что на дровнях – бочка. Баба ведром наливала в бочку воду из проруби.

Однако я поверил, что нас не заметили, только тогда, когда лошадь с бочкой въехала на косогор и скрылась за избами. Все это тянулось так долго, что зубы женщины, лежавшей рядом со мной, снова стали стучать. Когда мы попробовали подняться, оказалось, что мокрая юбка ее примерзла ко льду.

Было уже совсем светло, когда мы вышли на восточный берег. Парашют цеплялся за ветви редкой низкорослой ольхи и мешал нам идти. Мы его скинули; я сложил его и нес под мышкой. Я ужасно торопился, – мне хотелось как можно дальше уйти от озера, как можно скорее миновать эти жидкие ольховые заросли, которые почти не скрывали нас. Но на ногах у меня были широкие меховые унты, совсем не приспособленные для ходьбы, ноги проваливались в снег по колена, и двигался я не быстро. Теперь она все время опережала меня, хотя шла без особой торопливости.

Я видел впереди ее короткий овчинный тулуп горячего кирпичного цвета и серый головной платок. Меня поражало, с какой уверенностью выбирала она путь между кустов. У нее, видимо, не было никакой потребности советоваться со мной.

Наконец ольха кончилась и начались елки. Здесь нас не так видно. Она остановилась и обернулась ко мне.

– Теперь мы разойдемся, – сказала она.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Я не понял ее слов, да и не слушал их, потому что впервые увидел ее лицо.

Она была очень молода, моложе меня, по крайней мере, вдвое. У нее были широко расставленные глаза, казавшиеся сейчас темными, потому что здесь, под лапами елей, было сумрачно. Тонкая кожа на щеках и висках посинела. Маленький нос с круглыми ноздрями, две-три веснушки, крепко сжатые узкие губы, синие почти до черноты от холода и усталости.

– Ты пойдешь отсюда на север, к морю, – сказала она. – Ты собирался к морю. Я отдам тебе свой компас, я дойду и без компаса...

Холодный компас коснулся моих ладоней, и только тогда начал я прислушиваться к ее словам.

– Не дури, – сказал я. – Ты пойдешь со мной.

Она покачала головой:

– Я пойду туда, где ты меня должен был сбросить с самолета.

– Километров сорок до того места осталось, – возразил я. – И тебя сорок раз схватят прежде, чем ты дойдешь. И никого уже ты там не отыщешь. Они ждали тебя в том месте прошлой ночью. Ты не прыгнула – и они ушли. Неужели ты думаешь, что они будут без конца тебя там ждать?

– Не знаю, – сказала она.

– И от моря мы будем там гораздо дальше...

– Все равно я должна идти туда, – сказала она. – А ты иди к морю один.

В сущности я должен был обрадоваться. Я ведь с самого начала был недоволен, что она со мной, я хотел быть один. Конечно, я очень мало верил в то, что можно дойти, но одному идти легче, чем с женщиной.

Однако, когда она вдруг повернулась и быстро пошла прочь, когда низко свисающие густые ветви елок стали скрывать ее от меня, я почувствовал стыд и обиду. Не могу же я ее здесь бросить! И почему это она старается от меня отделаться? И какое право она имеет мне не верить?..

Я побежал за ней.

– Я пойду с тобой, – сказал я запыхавшись.

5

Утопая в рыхлом, пригретом мартовским солнцем снегу, шли мы в глубь занятой врагом земли, чтобы встретить тех двух партизан, которые ждали ее в условленном месте. На том болоте, куда я должен был сбросить ее с самолета.

Я уже совсем потерял силы. Вытаскивал одну ногу, вытаскивал другую, – унты мои набухли от воды, застревали в снегу. Проваливаясь, я падал в снег. Под снегом – весенняя холодная вода.

Она шла впереди. Она тоже еле выволакивала ноги из снега, тоже поминутно падала, но, странное дело, я не мог догнать ее.

– Как тебя зовут? – спросил я ее.

Она не обернулась и ответила не сразу.

– Катерина Ивановна, – сказала она наконец.

Лучи сквозь ветки падали на снег, – весенние малиновые лучи. Капли на прутьях сверкали так ярко, что больно было на них смотреть.

Мне хотелось пить. Я потел в своем жарком комбинезоне, потел снова и снова, и жажда мучила меня. Я совал в рот снег пригоршнями. Рот холодел от снега, но жажда не унималась. Слово костер разгорался во мне. Не было сил вытаскивать

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
ноги из снега. После каждого шага я хватался руками за дерево, а если дерева не было рядом, я падал.

А кругом все сияло, небо за ветвями было высоко и ясно, снег голубел, набухая от влаги, мохнатые пушинки белели на красных прутьях вербы. Прогалинки между елками, потемневшие, а кое-где уже порыжевшие, были мучительно знакомы – совсем такие, как в детстве. Злость закипала во мне. Чем я провинился, что по такой знакомой и родной земле должен идти прячась, скрываясь, словно затравленный зверь?

Удивительно было то, что она шла все время впереди. Я старался догнать ее, но только отставал. Между тем я шел по ее следам, а она шла по цельному снегу. А ведь я был гораздо сильнее ее; и падала она чаще меня, падала неловко, неожиданно. Но сразу, не теряя ни мгновения, вставала на четвереньки, подымалась, делала два-три шага и снова падала. И снова подымалась.

Иногда она останавливалась, поджидала меня и требовала у меня карту. У меня была карта-километровка, вклеенная в обложку записной книжки. Она раскладывала карту на снегу, поверх клала компас и ждала, когда стрелка успокоится. Потом отдавала мне карту, совала компас за пазуху, и мы шли дальше.

Один раз, сильно обогнав меня и поджидая, она, вместо того чтобы отдохнуть, наломала веток и подвязала их к ногам. Когда я подошел к ней, на ногах у нее были широкие веники; она снова пошла вперед, и веники эти не давали ей проваливаться в снег. Их облепило мокрым снегом, и они стали тяжелы, как кандалы, как гири. И все-таки она шла, шаг за шагом, и падала реже, и я еще больше отставал от нее.

Я уже много раз просил ее остановиться и отдохнуть. О погоне я больше не думал, я ни о чем больше не думал, я слишком изнемог, мне было все равно, лишь бы лечь. Но она делала вид, что не слышит моих просьб. Она шла вперед, тяжело переставляя ноги с облепленными снегом вениками. И я брел за нею.

Когда солнце опустилось за деревья, я лег в снег и сказал, что дальше не пойду.

– Мы уже почти дошли, – уверяла она.

Но я не двинулся.

Я думал, что она пойдет одна.

Зачем я ей?

Я ей совсем не нужен.

Но она остановилась.

– Хорошо, отдохнем, – сказала она.

И тоже легла в снег.

Я лежал, раскинув руки и ноги, и смотрел на пылавший за голыми ветвями закат. Мне было жарко, я лежал и сосал снег. Я ни о чем не думал, мне было все равно. Мне казалось, что нет такой силы на свете, которая могла бы сдвинуть меня с места.

Но скоро я начал зябнуть. Огромное красное солнце опускалось меж стволов все ниже, и кругом холодело. Ночь будет морозная. На мне все было мокро насквозь от пота и снега, и все замерзло. Я опять услышал, как у нее стучат зубы. Ей было еще холоднее, чем мне.

Она вдруг вскочила и встряхнулась. Видя, что я все еще лежу, она занялась своими ногами. Она отвязала облепленные снегом веники, нарезала ножом колья и стропами парашюта подвязала их к ногам. Дрожа от холода, я лежал и смотрел, как она работает. Я заметил, что кольев она наготовила вдвое больше, чем ей было нужно. Самые длинные и крепкие она оставила для меня. Не знаю, что заставило ее так поступить – желание позволить мне полежать несколько лишних минут или боязнь дать мне в руки нож. Возможно, и то и другое.

Не в силах больше мерзнуть, я поднялся и подвязал колья к ногам. И мы пошли. Минуту назад я не верил, что когда-нибудь в состоянии буду снова идти, однако шел. Она опять шагала впереди. Колья, подвязанные к ногам, хорошо держали нас на поверхности снега, мы больше не проваливались и падали реже.

Закат охватил полнеба, уже темнело. Синие сумерки ползли по лесу. Я шел без единой мысли, как во сне, но все-таки шел. Где-то здесь, вон за этими березами, белеющими в сумерках, или вот за теми, болото, где ждут нас два человека, которые что-то нам скажут, куда-то поведут. Я не знал, что это за люди, не знал, что они нам скажут, но хотел как можно скорее дойти и увидеть их, потому что, когда я увижу их, кончится этот путь и начнется что-то новое.

Я уже давно отстал от Катерины Ивановны, я уже не старался догнать ее, и она больше не останавливалась, чтобы подождать меня. Я шел по ее следу. Изредка, когда лес редел, я смутно видел ее в полутьме далеко впереди.

Потом я услышал низкий протяжный свист. Если бы я не так устал, я испугался бы. Но душа моя одеревенела от усталости, и я продолжал равнодушно брести по следу. Свист повторился. Я вышел из-за берез и увидел мою Катерину Ивановну посреди занесенной снегом полянки. Она стояла одна и свистела, засунув в рот четыре пальца.

Ей никто не ответил.

Она дождалась меня и, когда я подошел к ней, сказала:

– Никого.

И я понял, что это и было условленное место.

– Они ждали меня прошлую ночь и ушли, – объяснила она.

И показала мне примятый снег, где они сидели, и следы их лыж.

Значит, я был прав.

– Что же делать? – спросил я.

– Ночевать, – ответила она.

6

Я сидел на пне. А она приготовила себе постель. Она нарезала еловых веток, разложила их на снегу и легла на них.

Мокрый, я сразу замерз. Если бы можно было зажечь костер, обсушиться, выпить кипятка. Но о костре нечего было и думать. Меня трясло, я не мог больше сидеть. Нужно было ложиться.

Без ножа нельзя нарезать веток, и я приготовил себе постель по-иному. Я повесил парашют между двумя деревьями, как гамак. В гамаке лучше спать, чем на еловых ветках. Мне показалось, что она, лежа, наблюдает за мной, и я подошел к ней.

Лихорадка била ее – зубы стучали, плечи ходили ходуном. Она смотрела на меня темными блестящими глазами.

– Катерина Ивановна, – сказал я, – ложись в парашют.

– А ты? – спросила она.

– Я тоже лягу, нам вдвоем будет теплее.

Она ничего не сказала и, видимо, думала. Она казалась мне удивительно маленькой и легкой. Я бы поднял ее и отнес на гамак, но она была не из тех, кем можно распорядиться. Еще, чего доброго, полоснет ножом, если я дотронусь до нее.

Вдруг она встала, пошла к гамаку и легла.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

– Ложись, – сказала она.

Я лег рядом с ней, закрыл глаза, и на несколько минут чувство покоя и уюта охватило меня. Я ощущал у себя на щеке ее горячее дыхание. Она лежала неподвижно, и я осторожно открыл глаза, чтобы посмотреть, спит ли она. Нет, она не спала. Она ждала, когда я засну, и руку держала за пазухой. Там у нее был нож.

Неужели она все еще мне не доверяет?

И все же она заснула первая. По ее дыханию я скоро понял, что она уже спит. Голова ее лежала у меня на плече, и я смотрел ей в лицо. Губы ее слегка раскрылись, брови поднялись, и все лицо ее во сне было удивительно детским, мягким и простодушным. Я старался не шевелиться, чтобы не мешать ей, и сам провалился в сон.

Проснулся я оттого, что у меня замерзли ноги. Далекие холодные звезды висели над лесом. Ночь была ясная и морозная. Пальцы ног болели, словно их прижгли. Когда я шевельнулся, смерзшаяся одежда зазвенела на мне, как стеклянная.

Я вывалился из гамака и чуть не закричал от боли, с трудом держась на замерзших ногах.

Я посмотрел на нее и испугался. Мне показалось, что она не дышит. Изморозь была у нее на щеках. Но когда я толкнул ее, она сразу открыла глаза. Я помог ей вылезти из гамака, и она села в снег. У нее так замерзли ноги, что она не могла стоять.

– Прыгай! – сказал я ей. – Прыгай!

Я сам прыгал и бил себя руками по бокам. Лицо ее едва видно было во мраке, но все-таки я разглядел, как она мне улыбнулась – грустно и жалко.

Она заставила себя встать и тоже начала прыгать. Мы долго прыгали в снегу. Мы прыгали до изнеможения.

Мы не согрелись по-настоящему, нас просто повалила усталость. Мы рухнули в гамак и снова уснули.

Это была самая длинная ночь в моей жизни. Каждый час мы просыпались, вскакивали и прыгали. И снова сон валил нас. Просыпаясь, мы замечали, что созвездия над нами в ветвях слегка передвинулись. По движению созвездий мы знали, что движется ночь. Мы молча прыгали и прыгали под медленно движущимися созвездиями. У меня было только одно желание – чтобы ночь эта кончилась.

Мы проснулись в последний раз, когда лучи вдруг брызнули из-за горизонта, пронизав лес. Ночь изнурила нас, но мы были счастливы, что снова можно идти.

– Куда ты пойдешь? – спросила она.

Я удивился:

– Туда, куда и ты. На север, к морю.

– Нет, я не пойду, – сказала она. – Иди один.

– Ты хочешь остаться и ждать их здесь?

Она молчала.

– Это подло, что ты мне не веришь! – закричал я неожиданно для самого себя. – Понимаешь, подло!..

Она смотрела на меня устало и мягко.

– Нет, ты не понимаешь, – сказала она. – Здесь есть еще одно место, до которого я хочу дойти, но ведь их и там, наверно, не будет. Зачем же ты со мной? Ты бы шел к морю, пока у тебя есть силы..

– А ты для чего останешься, если почти наверняка знаешь, что никого не найдешь?

– Надо попробовать.

Я уже знал, что ее не переубедишь.

– Ну, а потом? – спросил я. – Если опять не найдешь? Что ты будешь делать дальше?

Она, видимо, еще и не думала об этом.

– Не знаю, – сказала она. – Посмотрим. Тоже, наверно, пойду к морю...

– Так вот что, – сказал я. – С тобою я не расстанусь. Пойдем всюду вместе.

7

Опять сияло солнце, и таял снег, и колья, привязанные к моим набухшим растрепанным унтам, путались в кустах, и я падал и вставал, и пар валил от моей мокрой одежды, и мне было жарко, как в бане, и жажда томила меня, и я поминутно глотал снег. Мне было жарко, а Катерине Ивановне холодно. Ее знобило по-прежнему, как ночью, и она не могла согреться.

– Да ты заболела, Катерина Ивановна!

– Вот еще! – отвечала она так, будто этого и быть не могло.

Она шла впереди среди солнечного блеска, среди сияющих капель на голых прутьях, падала, вставала и шла. Но трясло ее все сильнее. Иногда она взглядывала на меня своими светлыми, дневными глазами – ночью глаза у нее были темные, – но мне казалось, что она не видит меня, не узнает. Несколько раз я просил ее отдохнуть. Она не отвечала.

– Да ты слышишь меня, Катерина Ивановна?

– Слышу, слышу...

И шла вперед.

Так шли мы весь день. И солнце опять опустилось за сучья, и опять голубоватым сумраком стал наполняться лес. И в этом сумраке она скользила между стволами, как странная тень.

Потом она вдруг села в снег. Сделала попытку подняться и не смогла.

Я подошел к ней.

– Придется посидеть немного, – сказала она. – А ты иди. Иди один. К морю. Иди, иди. Ведь ты пропадаешь со мною!

Она опустила голову и сидела не двигаясь. Я не двигаясь стоял перед нею. Шло время, смеркалось. Я все ждал, что она скажет что-нибудь. Опущенного лица ее я не видел и не знал, спит ли она, или думает, или уже умерла.

Потом она подняла на меня темные свои глаза и спросила удивленно:

– Ты еще не ушел?

– Я без тебя не пойду, – сказал я. – Я посажу тебя в парашют и повезу, как на салазках.

Она протянула левую руку и взяла меня за палец. У нее была маленькая, мягкая и очень горячая рука.

8

Надвигалась ночь, и я оглядывался, ища, где бы повесить наш парашютный гамак. Но мы остановились на неудачном месте. Кругом были только тонкие прутья ольхи, они не выдержали бы нашей тяжести.

Нужно было идти дальше, и я собирался взять ее на руки и понести. Однако я так устал, что все откладывал это неизбежное усилие с минуты на минуту и продолжал стоять над нею.

Вероятно, я дремал стоя.

Потом мне стало холодно, и я очнулся. Уже совсем стемнело, ночь опять была звездная. Я нагнулся над нею, чтобы поднять, но она сразу открыла глаза, едва я до нее дотронулся. Я сказал ей, что нужно повесить гамак. Она не хотела, чтобы я ее нес, и резким движением отстранила мои руки. Потом быстро встала и пошла сама.

Она сразу опередила меня, и я еле поспевал за нею. Пройдя метров двести, она указала мне место, где повесить парашют. И уснула мгновенно, чуть только легла в него.

Она разметалась, тулуп на ней расстегнулся, а между тем ее трясло. Я стал застегивать на ней тулуп, и вдруг рука моя ощупала под тулупом что-то твердое, металлическое. Три гранаты Ф-1, согретые горячим ее телом, висели под тулупом на поясе.

Я лег рядом с нею и удивился, до чего она горяча. Дыхание ее обжигало мне лицо. Она беспрерывно дрожала.

А я сразу заснул.

Спал я, вероятно, довольно долго, потому что проснулся околоченный до того, что не мог пошевелиться. Я выкатился из гамака в снег и, когда подымался на ноги, услышал свой собственный стон. Преодолевая боль, я снова долго плясал и размахивал руками.

Потом я вспомнил о ней, испугался, что она замерзнет, и принялся ее будить. Она опять очнулась при первом моем прикосновении. Прыгать она, видимо, не могла, а просто прохаживалась взад и вперед у гамака. А я прыгал и прыгал, и сердце прыгало во мне, и деревья прыгали вокруг меня, и звезды прыгали надо мной.

Она села на бревно, лежавшее в снегу, и я, напрыгавшись, сел рядом с нею. Ложиться в гамак я уже не решался. Стоило только заснуть, и ноги снова замерзнут. Надежду на сон нужно было оставить.

Я сидел на бревне, со всех сторон окруженный лесом, тьмой, тишиной огромной морозной ночи, и думал, что вообще пора оставить всякую надежду. В возможность перейти по льду через залив я, по правде говоря, не верил с самого начала. Есть, быть может, такие люди, которые перешли бы, но только не я, я не такой, я слишком хорошо себя знаю, – разве лет пятнадцать тому назад, а теперь, прежде чем я дойду, я сорок раз решу, что лучше лечь в снег и замерзнуть.

О будущем я не думал. Мысли мои, обрывочные и случайные, тянулись назад, в прошлое. Как счастливо жил я, как добры были ко мне все. Теперь мне показалось, что всю свою жизнь был я окружен лаской и доброжелательством, никто никогда не желал мне зла, под каждый шаг мой был подстелен мягкий пух нежности и дружбы. Я вспомнил лицо своей прежней жены, с которой мы пятнадцать лет мучили друг друга и наконец разошлись года за два до войны. Но оказалось, что в эту ночь мне слишком больно вспоминать о жене...

Мне вспоминались всякие пустяки. Берег реки в июле и я, лежащий на траве на самом припеке; голый, покрытый потом, прогретый до костей, я собираюсь лезть в воду. Нет, не надо реки, в воде все-таки холодно; я вспомнил горячую зеленую скамейку в городском саду, и раскаленный гравий на дорожках, и тяжелых медлительных шмелей в кусте шиповника... Нет, сад тоже недостаточно горяч, может подуть ветер и сразу станет прохладно.

И вдруг я вспомнил баню у нас на аэродроме, нашу баню, и как я лежу на полке и стону оттого, что мне так горячо. И все горячо вокруг меня, и горячий воздух входит внутрь, обжигает легкие, а я все кричу: «поддай, поддай!» И вспомнил я, что в тот самый день, когда я вылетел с этой женщиной, в последний мой день, меня звали в баню, и я отказался, и теперь мне так жалко было, что я отказался...

Я взглянул на нее. Она сидела рядом со мной в темноте – темная, маленькая и неподвижная. И внезапно я испытал к этой незнакомой Катерине Ивановне такую нежность, какую никогда еще не испытывал ни к кому на свете, и слезы выступили у меня на глазах.

Кроме этой больной замученной девочки с тонкими косточками и опухшими губами, подозрительной, упорной, беспредельно верной, своему долгу и такой же несчастной, как я, не осталось у меня ничего. Она мне о себе не сказала ни слова, но я давно уже догадывался, как сломлена она неудачей, как нестерпима для нее мысль, что она не выполнит того, ради чего ее послали.

Она сурово обращалась со мной, подозревала, что я враг, но я давно уже не был на нее за это в обиде. Да и подозревала она меня, вероятно, только вначале, а теперь просто не может мне простить, что из-за меня, из-за несчастья с моим самолетом, ее одолела неудача. И как мне мило было в ней все это, как дорого, как я благодарен был ей просто за то, что она живая, своя, из одной со мной страны, сидит вот здесь рядом, на бревне.

Комок снега сорвался с еловой ветки, упал ей на голову, рассыпался по шерстяному платку, по плечам. Она не двинулась. И опять мне стало страшно, что она умерла. Так страшно, что я не решался окликнуть ее, толкнуть. Я сидел рядом с ней, неподвижной, обсыпанной снегом, и не дышал.

– Катерина Ивановна...

Она не шевельнулась.

Я схватил ее за плечо.

Она открыла глаза.

9

Мы отчетливо слышали звук шагов. Хруст снега под сапогами.

Короткая тишина, и опять тот же звук. Тишина. И снова пять-шесть шагов.

И мне вдруг смутно припомнилось, что звук этот я слышу очень давно, что, занятый своими мыслями, я просто не обращал на него внимания, пока не разбудил Катерину Ивановну.

Пригнув голову, я вслушивался, куда направляются шаги. Но шаги никуда не направлялись. Звук повторялся, казалось, на одном и том же месте.

Пять-шесть шагов. Тишина. Пять-шесть шагов. Тишина.

Мне стало жарко.

Я осторожно поднялся с бревна и беззвучно двинулся навстречу шагам. Широколапая ель загораживала мне дорогу. Я обошел ее и остановился.

За стволами и сучьями я разглядел что-то большое, темное. Мне показалось сначала, что это дом. Нет, не дом. Это высокий железнодорожный мост через ручей. Мы, усталые, остановились на отдых возле самой железнодорожной насыпи и не заметили этого.

Я снова услышал шаги. Хруст, хруст, хруст по снегу, неторопливо и спокойно, совсем недалеко, возле моста. И увидел немецкого солдата в шлеме, с автоматом в руках. Это был часовой, охранявший мост.

Я долго стоял, боясь шевельнуться. Часовой медленно прохаживался вдоль моста. На фоне темных деревянных устоев я его не видел. Но когда он доходил до конца своей дорожки и останавливался, чтобы повернуть назад, я отчетливо видел его на снегу.

Это был рослый, сгорбленный человек, – он ежился от холода. Я стоял в двадцати шагах от него, и каждое мгновение он мог заметить меня. Но он снова появлялся на фоне снега и снова пропадал, меня не замечая.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Я стал тихонько уходить за ель. Снег оглушительно шумел у меня под ногами, трещали задетые мною ветки, и я всей спиной ждал автоматной очереди. Но автоматной очереди не было, и я обошел ель и увидел гамак, и бревно, и Катерину Ивановну.

Она по-прежнему сидела на бревне. Я схватил левой рукой все, что попало, – парашют, колья, которые мы привязывали к ногам, мешочек, в котором оставалось еще несколько сухарей, – а правой рукой ухватил ее за руку и побежал прочь по снегу, волоча ее за собой.

Она не понимала, что случилось, и слегка упиралась. Но я бежал и бежал, не чувствуя никакой усталости и таща ее, как вещь.

– Кого ты видел? – спросила она шепотом.

Но я с таким испугом дернул ее за руку, что она замолчала. Я бежал и бежал. Я падал, заставляя ее падать вместе с собой, вскакивал и снова бежал.

10

Наконец она вырвала свою руку и села в снег.

– Бежим, бежим! – уговаривал ее я.

– Куда?

Я и сам не знал куда. Все равно. В лес, подальше от железной дороги.

Но она обхватила руками ствол осины, чтобы я не мог потащить ее дальше.

– Что ты видел? – спросила она.

Я нетерпеливо ответил ей, что видел железнодорожную насыпь, мост, часового.

– Вставай! Бежим!

Но она продолжала сидеть. Глаза ее блестели в сумраке.

– Дай карту.

Она хотела понять, как это мы попали к железной дороге.

Я стал поспешно искать карту.

– Она осталась на бревне, – сказал я.

В первое мгновение я не очень огорчился, что забыл карту. Все казалось мне неважным сравнительно с необходимостью уйти подальше в лес. Потом вдруг я испугался, что, найдя на бревне карту, немцы догадаются, кто здесь был, и пойдут по нашему следу. И заторопился еще больше.

– Пойдем! Пойдем!

Она поднялась и стала привязывать к ногам колья. Обрадованный, что она собирается идти, я тоже привязал к ногам колья.

– Куда ты?

Вместо того чтобы идти дальше в лес, она быстро пошла назад к бревну, к часовому.

– Нам нужна карта, – сказала она.

Я едва поспеивал за нею, уговаривал ее остановиться, вернуться, идти со мной, но она не обращала на мои слова никакого внимания, словно не слышала, и продолжала идти по нашему следу легко и поспешно.

Удивительно, как далеко я успел убежать. Обратный путь к бревну показался мне бесконечно долгим. Стараясь поспеть за нею, я часто падал, и от этого еще больше

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru отставал. Я уже почти потерял ее из виду, когда она вдруг остановилась и подождала меня.

– Оставайся здесь, – сказала она.

– А ты?

– Я пойду одна.

– Нет, уж лучше я сам схожу за картой...

– Стой здесь! – приказала она.

И я повиновался.

Я остался один.

В тишине ночи я долго-долго слышал ее удалявшиеся шаги. Потом я перестал слышать их, но не оттого, что она ушла слишком далеко, а оттого, что она остановилась. Прислушиваясь, я теперь слышал совсем другие шаги, тоже мне хорошо знакомые, – шаги часового.

Пять-шесть шагов. Тишина. Пять-шесть шагов. Тишина. Я слушал, приоткрыв рот, не двигаясь, не дыша.

И вдруг взрыв разорвал тишину. И воздух дрогнул, и гулкое эхо прокатилось по лесу.

От неожиданности я со всего роста упал в снег.

Но сразу вскочил. Я не знал, что случилось с Катериной Ивановной, но был убежден, что случилось что-то страшное. Со всех ног побежал я по ее следу к бревну.

Пробежав шагов тридцать, я увидел ее. Она шла мне навстречу.

– Вот, – сказала она, протягивая мне книжечку с картой.

Я смотрел в ее расширенные блестящие глаза. Губы ее мелко дрожали.

– Он увидел меня, но я убила его гранатой, – сказала она.

11

Возбужденная, она шла легко и быстро. От чудовищной слабости, охватившей ее вечером, не осталось и следа. Несколько часов назад она почти умирала, а сейчас она опять довела меня до изнеможения, и я умолял ее остановиться.

Мы шли весь остаток ночи, шли на рассвете, шли, когда встало солнце, и в конце концов дошли до маленькой землянки, засыпанной снегом. Здесь Катерина Ивановна была в прошлом году осенью, здесь надеялась встретить она тех людей, к которым ее послали.

Это была последняя ее надежда. И мы сразу увидели, что надеяться было нечего. Снег вокруг землянки лежал нетронутый. За всю зиму ни один человек не заходил сюда.

Внутри было темно и тесно. Стоять я мог только согнувшись. Нары и железная печурка, набитая снегом, – больше ничего сюда не помещалось. Но дверь закрывалась хорошо. Мы легли на нары и сразу заснули.

Мы спали очень, очень долго, спали по-настоящему в первый раз после того, как покинули аэродром. Мы успели немного обсохнуть, мы согрели своим дыханием маленькую землянку и не так мерзли.

Я несколько раз просыпался, жевал сухари. До чего Катерина Ивановна была горяча! Можно было, казалось, обжечься, прикоснувшись к ее лицу. Жар сжигал ее.

Когда я проснулся в последний раз, она уже не спала. В землянке было темно, как в могиле, я не видел ее лица, но чувствовал движение ее ресниц.

Она, видимо, дожидалась, когда я проснусь.

– Ты можешь идти? – спросила она.

– Куда?

– На север, через море. Ведь ты хотел идти через море.

По правде сказать, мне хотелось остаться в землянке. Лучше этой землянки нам ничего уже в жизни не найти.

– А ты можешь идти? – спросил я.

– Конечно, могу, – сказала она недовольно.

И, стуча зубами, потому что ее бил озноб, она слезла с нар и распахнула дверь. На дворе была ночь, уже новая ночь, и ночь эта кончалась, – на краю неба, за редкими стволами кривых берез розовела узкая полоса.

И Катерина Ивановна повела меня на север, и я с привычным уже послушанием пошел за нею.

12

И вот мы идем на север, к морю. Солнце сверкает во всех каплях. Катерина Ивановна впереди. Рука ее вытянута. В руке компас с разбитым стеклом – стекло разлетелось при одном из падений.

Передвигая ноги с кольями, перелезая через мелкий сосняк, она внезапно спотыкается. Падает головой в снег. Один из кольев лопается пополам. Треск громок, как выстрел.

И сразу же за деревьями – отдаленный гул человеческих голосов.

Долго, долго лежим мы, не шевелясь. Голоса смолкают, и больше мы их не слышим. Может быть, нам почудилось?

Катерина Ивановна подымается, достает свой нож, начинает мастерить новый кол взамен сломанного. Я стою и смотрю на ее синие маленькие руки, на синеватую сталь ножа. Она больше не держится за нож, когда спит рядом со мной. Но в руки его мне не дает. Впрочем, я ведь его у нее и не прошу...

Новый кол привязан взамен прежнего. Опять она идет впереди, я плетусь за ней. Я уже больше не уговариваю ее остановиться отдохнуть. Я знаю, что это бесполезно. К нашей новой цели – к морю – она теперь стремится с тем же прямолинейным упорством, с каким прежде стремилась к встрече с партизанами.

Все лицо у нее в струпьях. На лбу беспрестанно выступают капельки пота. Однако ей совсем не жарко, несмотря на то, что мартовское солнце жжет всю, несмотря на то что она уже много часов в движении и у нее такой теплый тулуп. Она все зябнет и не может согреться. Я отдал ей свои кожаные рукавицы, подбитые мехом, она надела их поверх своих перчаток, и все-таки у нее зябнут руки.

А я между тем не знаю, как освободить от пота разгоряченное тело. Мокрое белье прилипает к спине, к ногам. Пар валит от меня – вот до чего мне жарко. Я томлюсь от жажды и все время сосу снег.

В лесу просека, прорубленная, как по линейке, бесконечная, – оба конца ее упираются в небо. Катерина Ивановна останавливается, раскладывает на снегу карту.

– Уйдем отсюда, – прошу я. – Зачем ты стала на открытом месте?

Но она молчит и кладет компас на карту. Я знаю, что это дело будет долгое, однако больше не спорю. Я уже привык ее слушаться.

Компасная стрелка все мне хочет успокоиться, все прыгает. Катерина Ивановна ждет, склонившись, потом перекладывает карту на более ровное место и снова ждет. Так продолжается минут десять. Наконец она начинает понимать, где мы находимся, и объясняет мне.

– Впереди горелый лес. Обойдем его справа. Потом деревня. Также обойдем справа.

Но я только притворяюсь, что смотрю в карту. Мне все равно, я уже окончательно доверился ей, признал полное ее превосходство. Я только одно понял – опять нужно что-то обходить. Идти, идти, идти...

И снова шарканье снега под облипшими колыями, хлюпанье воды в унтах, жажда, сжигающая внутренности, и усталость, погашающая все мысли, чувства, оставляющая одно желание – свалиться в снег.

Горячее солнце движется в мокрых сучьях. И вдруг – звук бегущей под снегом воды, звонкий и нежный. Катерина Ивановна взглядывает на меня, останавливается, освобождает ноги от кольев. Мгновенно и я сбрасываю с плеч груз, с ног колья. Одним движением ноги я обрушиваю в воду толстую рыхлую снеговую корку. Мы садимся на корточке возле образовавшейся дыры и пьем весеннюю черную воду. Катерина Ивановна выпивает несколько горстей и отходит – ей холодно. А я пью, пью и все не могу напиться. Я пью до тех пор, пока холодная вода не переполняет меня. Тогда и мне становится холодно, и я начинаю лязгать зубами...

13

Дорога шла параллельно берегу моря, и нам нужно было перейти ее. Это была наезженная дорога, со следами подков, и шин, и танковых гусениц на льду, дорога, которой пользовались много и часто. Но когда мы вышли на нее, озираясь, она была пустынна. Правда, далеко мы ее просмотреть не могли, так как она заворачивала, и мы видели только то, что было до заворота. По обочине тянулись телеграфные столбы. Катерина Ивановна двигалась не торопясь, внимательно все оглядывала и даже вместо того, чтобы сразу пересечь дорогу, пошла по ней; я шел за Катериной Ивановной.

Мы услышали гул мотора, шипение шин, разбрызгивающих мелкие лужи, и, раньше чем мы успели что-нибудь предпринять, из-за поворота выскочил грузовик. Я увидел немецких солдат, едущих стоя; все их лица были обращены прямо к нам.

Я рванул в сторону леса, было нестерпимо стоять в ярко-синем летнем комбинезоне на виду у шестерых немцев – местные жители в комбинезонах не ходят. Но Катерина Ивановна взяла меня за руку.

– Поздно, – сказала она.

Я остановился. Я сам понимал, что поздно. Уверенный, что пришел конец, я остановился рядом с Катериной Ивановной на краю дороги и стал смотреть навстречу приближающемуся грузовику.

Катерина Ивановна засунула руку за пазуху и вытащила гранату Ф-1. Руку с гранатой отвела за спину. Я вспомнил, что у нее есть и вторая граната.

– Дай мне гранату, – сказал я.

Она искоса посмотрела на меня снизу вверх светлыми, отражающими небо и солнце глазами.

– Ты мне не веришь, – сказал я. – Ты не смеешь мне не верить.

– Я тебе верю, – ответила она.

Но и не подумала дать мне гранату.

Она мне верила, но полагала, что я не в состоянии толково распорядиться оружием. И неожиданно для себя я пришел в бешенство.

– Дай гранату! – с яростью сказал я.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Она опять искоса взглянула на меня светлыми глазами, быстро порылась за пазухой и всунула мне в руку гранату.

Грузовик катился, увеличиваясь, потряхивая кузовом. Я ждал его не двигаясь, не мигая, чувствуя, как кровь стучит у меня в висках. Осталось всего несколько секунд.

И вдруг, метрах в пятидесяти от нас, он остановился, резко затормозил. Солдаты попрыгали на дорогу. Я ждал не этого и потерялся.

А они между тем подошли к покосившемуся телеграфному столбу. Движения их были неторопливы, я слышал спокойные голоса. Столб держался только потому, что запутался верхушкой в ветвях сосны. Провода были порваны. Солдаты навалились на столб и принялись подымать его, звеня проводами. Это были связисты, починявшие линию.

Они видели нас, они не могли нас не видеть, но смотрели на нас равнодушно, как на снег и на сосны.

Катерина Ивановна легонько толкнула меня и лениво пошла в лес по другую сторону дороги. Я пошел за нею еще ленивее. Потом мы побежали.

А гранату я ей не отдал. Я спрятал гранату себе в карман.

14

Нас опять охватило такое возбуждение, что мы забыли об усталости и шли очень быстро. Здесь, ближе к морю, лес был редок, с большими порубками, нам то и дело приходилось перелезть через канавы, через плетни, обходить поселки. Когда-то это был довольно населенный край, но сейчас он словно вымер. Поселки стояли пустые. Только раза два заметили мы дымок над крышами. Мы чуть было не наткнулись на женщину, которая тащила хворост из лесу, но вовремя легли, и она нас не видела. День подходил к концу, солнце ползло вниз.

Катерина Ивановна часто оборачивалась и, поджидая, глядела мне в лицо. Ей, кажется, хотелось поговорить. Но сквозь опухшие, заросшие болячками губы ее вырывался один только звук:

– В-в-в...

Она передергивала плечами. Ее бил озноб.

И вдруг впереди мы увидели море.

Мы остановились на высоком лесном обрыве, под нами зеленели вершины елок. За этими вершинами простиралась пустынная ледяная равнина, залитая лилово-багровым светом, потому что солнце висело уже над самым горизонтом.

Мы решили подождать темноты. Я сел на широкий сосновый пень, и она присела рядом со мной. Она прислонилась ко мне, и я снова почувствовал, как она горяча и как ее трясет.

– В-вот, в-вовсе не холодно, – уговаривала она себя вполголоса. – В-вот, не холодно в-вовсе.

Потом вдруг сказала:

– Я тебе верю, не думай. Я тебе только в первый день не верила. Не сердись. Не сердись?

– Нет, – сказал я.

– Я тогда на озере нарочно перчатку уронила, чтобы посмотреть, что ты будешь делать, когда останешься один. Если бы ты бросил орден, или стал бы уничтожать документы, или сорвал бы петлицы, я бы тебя убила...

Я ничего не сказал, и она, видимо, подумала, что я рассердился. А ей не хотелось, чтобы я сердился, она словно растаяла – впервые за столько дней.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru

– А у меня дочка есть, – сказала она. – Третий годок уже. Зовут Тamarочкой.

– Где она? – спросил я.

– В Вологду увезена, у старшей моей сестры.

– А где муж?

– Воюет. Не знаю, жив ли. С осени писем нет.

Мы помолчали.

– А ты женат? – спросила она.

– Был женат очень долго. Разведенный.

И вдруг, неизвестно с какой стати, совершенно неожиданно для себя самого, я рассказал ей всю мою историю, которую никогда никому не рассказывал: как мне изменила жена и как я ее бросил. Катерина Ивановна слушала меня с той внимательной серьезностью, с какой женщины слушают обо всем, что связано с семьей и любовью.

– А она любила тебя, когда ты ее бросил? – спросила она.

– Очень, – сказал я.

– А ты ее любишь?

– Тогда я думал, что ненавижу.

– А сейчас?

Я колебался.

– Не знаю... – сказал я.

– Неправда. Скажи: «я ее люблю!»

– Я ее люблю, – сказал я.

Темнело. Равнина замерзшего моря за вершинами елей стала темно-багровой на закате. Я замолчал, Катерина Ивановна замолчала тоже. Темная, поникшая, она дрожала.

– Ты не можешь идти, – сказал я.

– Могу, – ответила она. – В-вот, не холодно в-во-все...

15

И она пошла.

Было совсем темно, когда мы, хватаясь за стволы деревьев, спустились с крутого откоса и вышли на плоский берег.

Дважды спотыкались мы о телефонные провода, проложенные по снегу. Потом мы упали в окоп, вырытый в полный профиль, в окоп, который, несомненно, часто навещали, потому что он был очищен от снега. Однако в окопе никого не было и никто нас не видел. Падая, мы оба сломали наши кольца, и их пришлось бросить. Кое-как, утопая в снегу по грудь, добрались мы до проволочного ограждения, тянувшегося вдоль берега. Оно оказалось почти занесенным снегом, и мы попросту переползли, перекатились через него.

Мы вышли на лед и пошли прочь от берега. Весь снег смело ветром, и лед был почти голый. Сначала нам показалось, что идти очень легко, и мы пошли быстро, взяв направление на северо-запад.

Здесь было гораздо светлее, чем в лесу, – сияли звезды, лед блестел. И лесистый берег, покинутый нами, все был виден, сколько мы ни шагали. Это нас раздражало,

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru нам хотелось, чтобы он скорее пропал, и мы все ускоряли шаги. Но время проходило, двигались звезды, мы шли и шли, а он все стоял за нами темной зубчатой полосой.

Между тем идти было вовсе не так легко, как показалось в первую минуту. Лед днем таял сверху, и на нем образовались просторные лужи. Эти лужи покрылись ночью тоненькой коркой, которая проламывалась под нами, и ноги наши были все время в воде. Мои меховые унты набухли, обледенели и не давали мне идти. У Катерины Ивановны звонко хлопало в башмаках при каждом шаге. Да и одеревенели мы от усталости, и не было никаких сил подымать тяжкие мокрые ноги. Мы уже давно не шли, а снова еле тащились.

Катерина Ивановна моя стала отставать. Вначале она, как всегда, шла впереди, и я еле поспевал за нею, а теперь она мало-помалу поравнялась со мной, и мне раза два пришлось даже поджидать ее.

– Натерла ногу? – спросил я.

Я понимал, что мокрым башмаком немудрено натереть ногу. Но она ничего не ответила. Она как будто даже не поняла и не слыхала меня. И я подумал, что она опять, вероятно, не сознает, что происходит.

Однако я не вполне был прав. На оставленном нами берегу вдруг возник яркий свет, и по льду, по огромному простору замерзшего моря, скользнул синий прозрачный луч. Немецкий прожектор оглядывал подступы к берегу. Катерина Ивановна подошла ко мне, взяла у меня парашют и накрыла им нас обоих.

Луч двигался медленно, часто останавливался и отступал, зажигая лед ярким театральным блеском. Мало-помалу он приближался к нам. Накрытые парашютом, мы неподвижно стояли и следили за лучом. Когда он подошел совсем близко, мы легли.

На мгновение он обдал и нас своим струящимся светом. Мы перестали дышать. Он ушел от нас вправо, потом стал возвращаться. Возвращался он постепенно, неторопливо, как бы нарочно мучая нас. Потом опять озарил нас и застыл.

Я уже потерял надежду, что он когда-нибудь двинется. Немец, несомненно, видел нас и старался отгадать, что мы такое. Но наша неподвижность обманула его. И луч ушел.

Долго-долго шарил он по льду. Затем вдруг поднялся, стал ощупывать небо, туманя звезды и висая над нами, как меч. А мы все лежали, прижавшись друг к другу.

Он исчез так же внезапно, как возник. Тьма, окружавшая нас, теперь казалась плотней и неподвижней. Я с мукой подумал о том, что опять нужно идти.

– Ты можешь идти? – спросил я Катерину Ивановну.

По правде сказать, я, как много раз прежде, надеялся, что она ответит: «не могу». Но она встала и пошла.

16

Пока мы лежали, мокрая обувь наша замерзла и заскорузла так, что идти стало невозможно. Мы брели, шатаясь, преодолевая боль, хватаясь друг за друга. Мы часто останавливались – то я, то она, – чтобы передохнуть. Поджидали один другого. Если бы не она, я давно лег бы и прекратил борьбу. Но она все еще брела, и я брел за нею.

Я чувствовал, что большая часть ночи уже миновала, и понимал, что, идя так медленно, мы до рассвета никуда не придем. Еле передвигая ноги, я бессильно шагал, прислушиваясь к бормотанию и дрожи Катерины Ивановны.

Бормотанье ее убеждало меня, что она в бреду, и я несколько не удивился, когда она вдруг села на лед, разулась, швырнула в сторону свои башмаки с портянками из обрывков парашюта и осталась босая. Разувшись, она вскочила на ноги и пошла, – пошла легко и быстро. Я сразу отстал от нее.

Стараясь не потерять ее в темноте, я заковылял как мог быстрее. Смотрю – она стоит, поджидает меня, подпрыгивая. Подойдя к ней, я заметил, что она шевелит

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru губами, пытается мне что-то сказать. Я понял, что она потеряла голос, и прислушался.

– Так легче, – шептала она. – И совсем не холодно.

Тогда я сел, снял свои унты и бросил их. И мы оба пошли босиком.

Действительно, было не холодно. Так быстро мы шли. Удивительно легко идти босиком по льду, если не останавливаться. Я понимал, что остановиться уже невозможно, и шел, шел, шел за нею по жесткому, обжигающему льду. Я шел, и у меня звенело в ушах, и все кружилось перед глазами.

Мы шли всю ночь напролет, и начался рассвет, и в сером этом рассвете мы увидели берег – не тот, который оставили, а новый.

Мы дошли бы, если бы вдруг она не упала.

17

Она упала на спину со всего роста и лежала в утренних сумерках, неподвижная, коротенькая, выставив детские маленькие синие пятки. Шерстяной платок ее сбился на сторону, и светлые волосы, разметавшись, лежали в снегу.

Я наклонился над нею. Она была жива и пылала в жару. Я взял ее за руку, посадил. Но чуть я отпустил ее, она опять упала на спину. Светлые глаза ее были открыты, но, казалось, ничего не видели. Я был уверен, что она не узнает меня.

И вдруг опухшие растрескавшиеся губы ее слегка шевельнулись.

Я нагнулся и подставил ухо к ее губам.

И услышал:

– Иди...

Она, которая вела меня, малодушного, столько дней и ночей, которая вывела меня, теперь велела мне идти одному.

Я хотел нести ее, но не мог даже поднять. Я попробовал волочить ее, но проволока не больше пяти метров. Тогда я снял с себя шлем и сунул в него ее ноги. Я обмотал ее ноги парашютом. Потом я сел рядом с нею на лед, поджав под себя босые ступни, и стал смотреть, как над замерзшим морем подымается солнце.

Меня схватили люди в белых халатах. Они подкрались незаметно. Это были краснофлотцы, охранявшие берег.

Там, на берегу, в землянке, она умерла от воспаления легких. А я, как видите. Жив.

В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

В тот самый день, когда по радио сообщили, что Берлин взят нашими войсками, летчик Коля Седов был сбит зенитным снарядом.

Это видел летчик Лукин, всегда летавший вместе с Седовым. Они вдвоем кружили над морем, следя за движением немецких кораблей, удиравших из Либавы. В Либаве и ее окрестностях немцы были нашими войсками вплотную прижаты к морю и могли удирать только по воде. Истребители Лукин и Седов вели разведку: выслеживали удиравшие немецкие суда.

Оба они знали, что война вот-вот кончится, что немцы обречены, и что эта разведка, быть может, последнее боевое задание, которое им поручили. Чувство торжества и счастья не покидало их в полете ни на мгновение. А между тем разведка оказалась трудной, потому что ветер гнал по морю длинные полосы тумана. Коля Седов только оттого и попал под снаряд, что слишком близко подошел к удиравшему суденышку, стараясь разглядеть его сквозь туман.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
У Лукина горячего оставалось на семь минут полета, – ровно столько, сколько нужно, чтобы долететь до аэродрома. Он как раз собирался повернуть к дому и приказать Седову следовать за собой. Они могли разговаривать друг с другом в полете, потому что у обоих были радиоаппараты. Но не успел он произнести ни слова, как услышал у себя в шлемофоне резкий грохот, – это в самолете Седова взорвался снаряд. Лукин обернулся, увидел пылающий самолет, волочащий за собой столб бурого дыма, и помчался к нему.

Седов выпрыгнул из самолета. Метров восемьсот пролетел он, не раскрывая парашюта. Наконец парашют раскрылся, и падение резко замедлилось: Лукин успел, снижаясь, два раза облететь вокруг Седова, прежде чем тот коснулся гребней волн.

Кружась вокруг парашюта, мечущегося на ветру, Лукин думал только об одном: раскроется у Седова резиновая лодка или не раскроется. Как все морские летчики в последний год войны, Седов был снабжен резиновой лодкой, занимавшей в сложенном виде очень мало места и раскрывавшейся от прикосновения к воде.

Лукин тоже имел такую лодку, но никогда не видал, как она раскрывается, и потому не был уверен, раскроется ли лодка Седова. Но не успел он сделать третьего круга, как лодка раскрылась. Она была похожа на байдарку или на каяк эскимоса. В ней сидел Седов и махал Лукину рукой.

Летя теперь над самой водой, Лукин с удивлением заметил, как высоки волны. Сверху, с высоты двух тысяч метров, где он только что был, море не казалось ему таким бурным. Волосы Седова развевались на ветру, – он, падая, потерял свой шлем.

Лукин ничем сейчас не мог ему помочь. Он убедился, что немецкого судна, сбившего Седова, отсюда, снизу, не видно. До берега было километров восемь. Горячего у Лукина осталось на три минуты. Медлить больше невозможно. Он взмыл и помчался.

Чтобы добраться до аэродрома, ему нужно было долететь до берега и перемахнуть через береговую полосу, где все еще держались немцы. Аэродром был расположен позади немцев, на поляне вокруг леса, и на такой далекий путь горячего уже никак хватить не могло. Был только один выход – за оставшиеся три минуты подняться как можно выше и оттуда, с высоты, попытаться спланировать на аэродром. И Лукин понесся к берегу, круто набирая высоту.

О себе он не беспокоился. Он был уже не молод, двадцать лет проработал в авиации, обучил несколько поколений летчиков, служа инструктором в летной школе, провоевал всю войну с первого дня и управлял самолетом, как собственным телом, – почти без размышлений, твердо и уверенно. Он думал только о Седове. Коля Седов был гораздо моложе Лукина и казался Лукину почти ребенком. Последние три года они не разлучались: спали вместе, ели вместе, во всех полетах и боях были вместе.

Летчики-истребители летают парами, и такую пару составляли Лукин и Седов, – Лукин был ведущий, а Седов ведомый. В воздушном бою ведущий выслеживает и догоняет противника, наносит ему удар, а ведомый сзади охраняет ведущего, потому что летчик-истребитель на самолете один и не может одновременно смотреть и вперед и назад. Седов, охраняя Лукина, столько раз спасал его от смерти, что между ними установилась совсем особая близость, редко встречающаяся между людьми других профессий.

Три минуты кончились, когда Лукин находился как раз над береговой чертой. Мотор замолк, наступила странная непривычная тишина. В этой тишине самолет продолжал двигаться вперед, медленно снижаясь. Немецкая зенитка раза три выстрелила по Лукину и замолчала, – слишком еще высоко он находился, чтобы надеяться в него попасть. Ветер дул с моря, попутный, и очень помогал Лукину; однако над линией фронта он прошел уже так низко, что мог различить пулеметчиков, лежавших у пулеметов.

Теперь до самого аэродрома был только лес, ни одной поляны, где можно было бы сесть. Лукин медленно плыл на беззвучном самолете над щетиною елок, которые, казалось, поджидали его. Прямо перед собой он увидел бугор, поросший лесом, и в течение нескольких секунд был почти убежден, что этого бугра ему не преодолеть. Но порыв ветра перетасил его через верхушку бугра. Отсюда уже виден был аэродром. Самолет Лукина выпустил шасси. Почти касаясь колесами острых еловых

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
вершин, он пролетел последнюю сотню метров и опустился на самый край аэродрома.

Приказав своему технику заправить самолет горючим, Лукин побегал к землянке, где помещался командный пункт полка. Снег сошел еще совсем недавно, на аэродроме блестяли лужи, меховые унты Лукина сразу намокли, и бежать было трудно. Пар валил от него, когда он, запыхавшийся, стоял перед командиром полка и докладывал о том, что случилось с Седовым.

Офицеры штаба полка, сидя между необтесанных бревен, подпиравших потолок, были сегодня заняты той же работой, что всегда, – говорили по телефону с дивизией, составляли донесения, чертили графики боев; как всегда, несколько летчиков, неуклюжих и огромных, словно медведи, толпились у входа в ожидании приказаний; как всегда, как каждый день, дневальные и связные топили печурку, подметали пол; но на всех лицах сегодня было что-то новое, торжественное и счастливое. Все они уже знали, что победа одержана, что Берлин взят, что вот-вот немцы капитулируют и войне конец.

Выслушав доклад Лукина, командир полка приказал немедленно позвонить в дивизию, чтобы на помощь Седову выслали гидросамолет и катер. Посмотрев на лицо Лукина, расстроенное, утомленное и раскрасневшееся, он сказал ему мягко:

– А вы пойдите и отдохните.

К Лукину в полку относились с особым уважением не только потому, что он был одним из лучших летчиков, но и потому, что он был старше всех по возрасту. Сам командир полка лет десять назад курсантом учился у Лукина фигурам высшего пилотажа. Он всегда старался предоставить Лукину покой и отдых, если это было возможно. Но Лукин не ушел.

– Гидросамолет могут подбить «фокке-вульфы», – сказал он.

– Я вышлю кого-нибудь из наших летчиков для сопровождения гидросамолета, – ответил командир полка.

Лицо Лукина стало упрямым.

– Они не найдут, – сказал он. – А я знаю это место наизусть.

Командир понял, что удерживать его не стоит. Лукин выскочил из землянки командного пункта и, тяжело дыша, побегал к своему самолету.

С гидросамолетом он встретился в условленном месте над морем. Гидросамолет, громоздкий, неуклюжий, с трудом преодолевал ветер, который стал еще сильнее. Созданный и для полета и для плавания, он и летал и плавал недостаточно хорошо. Два длинных поплавка, подвешенных снизу, – реданы – делали его медлительным и неповоротливым в воздухе. В безветренную погоду он, конечно, имел бесспорные достоинства, так как был силен и мог поднять много груза, но при ветре летать на нем было трудно. Ветер не обтекал его, а ударял плашмя в его широкое тело с разными пристроечками и башенками, сбивал с курса, кренил, поворачивал. Лукин кружился перед ним, то залетал далеко вперед, то возвращался, чтобы не потерять его из виду. Эта необходимость возвращаться раздражала и тревожила Лукина. Он чувствовал, что приближаются сумерки.

В сущности сумерки уже начались. День был пасмурный, тусклый, но к этой тусклости примешивалась уже особая тень – знак близящейся ночи. Еще чуть-чуть стемнеет, и не легко будет отыскать Седова в его крохотной лодочке среди бесконечного простора моря. Не совладав со своим беспокойством, Лукин оставил гидросамолет далеко позади и помчался вперед один.

Он то взмывал ввысь, чтобы видеть как можно шире и дальше, то опускался к самым волнам, чтобы лучше их разглядеть. Волны испугали его. Они вздымались тяжелыми бурями буграми, рябями от ветра, и были теперь гораздо больше, чем во время его прошлого полета. Ветер, как назло, крепчал, тучи стремительно неслись над морем, разыгрывалась буря, и страшно было подумать, что должен был чувствовать Коля Седов в своей крохотной лодочке. Жив ли он еще?

И вдруг Лукин заметил над морем хорошо знакомый ему силуэт «фокке-вульфа».

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Немецкий истребитель «фокке-вульф» взлетал свечкой вверх, потом переворачивался и почти отвесно шел к воде, стреляя из пулемета. Вода кипела под ним от пуль. Выпустив очередь, «фокке-вульф» переворачивался над самой водой и опять несся вверх, чтобы снова ринуться вниз стреляя.

Круто повернув, Лукин помчался к «фокке-вульфу». Но «фокке-вульф», заметив советский истребитель, бросил свое занятие и на предельной скорости понесся к берегу. В эти последние дни войны немецкие летчики уже не решались вступать в бой с советскими самолетами.

Лукин не стал его преследовать. Он домчался до того места, где только что вода кипела под пулями, и увидел маленькую лодочку, которая качалась на волнах. Седов не сидел в лодочке, а лежал ничком. Лукин видел только его спину. Он уже не сомневался, что «фокке-вульфу» удалось застрелить Седова. Вдруг Седов поднял лицо и взглянул прямо на самолет Лукина. Он сел и замахал Лукину рукой. Несмотря на сумерки, Лукин был убежден, что Седов ему улыбнулся.

Лодочка Седова с необыкновенной легкостью взлетала на гребень волны, а потом скользила вниз, в провал между волнами. Надутая воздухом, она оказалась удивительно устойчивой. Седов сидел в ней и греб руками, как веслами. Он греб, направив нос лодочки в сторону открытого моря, стараясь уйти от захваченного немцами берега, к которому его несло ветром.

Лукин давно уже заметил, что расстояние между Седовым и берегом сильно уменьшилось. Гребя ладонями, трудно держаться против такого сильного ветра. Да и долго ли можно так грести? Ветер принесет его к немцам. Лукин сделал круг и опять помчался к Седову. На этот раз он пронесся от него так близко, что едва не задел. В течение мгновенья между ними было не больше двух-трех метров, и все же он не мог помочь ему, не мог сказать ему ни слова. Промчавшись мимо, он увидел приближающийся гидросамолет.

Гидросамолет шел низко над водой, почти касаясь верхушек волн своими длинными поплавками. Командир экипажа – на гидросамолете был экипаж из трех человек – вел свой странный, похожий на громадную водяную птицу, корабль прямо к Седову.

Лукин ждал, что гидросамолет вот-вот сядет на воду и подберет Седова. Но случилось не так. Долетев до Седова, гидросамолет, вместо того чтобы сесть, понесся дальше, слегка набирая высоту. Отойдя метров на двести, он сделал круг и полетел обратно. Но опять не сел возле Седова, а пронесся мимо. Лукин связался с командиром гидросамолета по радио.

– Садитесь! – закричал он ему. – Отчего вы не сели?

– Сесть при таком ветре нельзя, – услышал он в ответ. – Нас перевернет.

– А вдруг не перевернет?

– Перевернет наверняка.

Лукин и сам понимал, что перевернет. Командир гидросамолета сказал ему, что с юга идут три катера на помощь Седову; он сам их видел несколько минут назад. Лукин полетел навстречу катерам.

Быстро темнело, и катера он заметил только по белым бурунчикам. Он подлетел к ним близко. Они стремительно шли кильватерной колонной, рассекая волны, тонкие радиомачты раскачивались. С катеров заметили его самолет, и он повел их прямо к Седову, то залетая вперед, то возвращаясь.

До Седова оставалось не больше двух километров, как вдруг катера замедлили ход. Они перестроились, слегка отступили и начали медленно обходить Седова по большой дуге. Эта непонятная задержка вывела Лукина из себя. Темнота сгустилась каждое мгновенье, через несколько минут он уже и сам не найдет Седова.

Не имея возможности разговаривать по радио с командиром катеров, он связался с командным пунктом своего полка. Может быть, там что-нибудь знают. С командного пункта полка позвонили на базу катеров, а тем временем, пока тянулись эти переговоры, все три катера повернули и пошли прочь, в открытое море.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Лукин в отчаянье и бешенстве кружил над ними. Наконец с командного пункта полка ему сообщили:

– Мины.

– Какие мины?

– Море в этих местах заминировано. Седов находится в самой середине минного поля. Катера подойти к нему не могут. Вот если бы не так темно...

Все это было как какое-то колдовство. Словно заколдованный, сидел Седов в своей резиновой лодочке, и снять его оттуда не было никакой возможности. Совсем стемнело. Лукин больше не видел ни волн, ни Седова. Дальнейшие попытки спасения приходилось отложить до утра. Лукину оставалось только одно: вернуться на аэродром. В мучительной тоске летел он над темным морем, над темным лесом.

Мины Седову не страшны, – лодочка его слишком легка, чтобы подорваться на mine. Не страшны ему пока и «фокке-вульфы», – они не найдут Седова в темноте, да и не станут искать. Вот разве на рассвете... Но увидит ли еще Коля Седов этот рассвет? Его или перевернет волной, или вынесет на берег, к немцам...

Сдав самолет технику, Лукин, не ужиная, побрел по темному пустынному аэродрому к кубрику. Морские летчики, подобно морякам, то помещение, в котором спят, называют кубриком. Обычно это просторная землянка на краю аэродрома, защищенная от вражеских бомб тремя-четырьмя накатами толстых бревен. В кубрике, где жил Лукин, горела яркая электрическая лампа, озарявшая девять коек. Летчики уже поужинали и только что пришли из столовой. В столовой они слушали московскую радиопередачу, полную подробностей взятия Берлина, и обсуждали ее, рассаживаясь по своим койкам.

Они все уже знали о несчастье с Седовым и, увидев Лукина, примолкли. Они любили Седова, боялись за его судьбу и жалели, что в такой счастливый день его нет вместе с ними. Им было жалко и Лукина, – лысеющий, пожилой, с утомленным лицом, он, казалось, осунулся за этот день и еще постарел. Они стали убеждать его, что пока Седов жив, еще не все пропало, и советовали ему пойти поужинать.

Но Лукину совсем не хотелось есть. Не раздеваясь, он лег на свою койку. Койка Седова была пуста. Лукин всегда спал рядом с Седовым, между их койками стояла только небольшая тумбочка, вроде шкафчика, служившая им обоим. Лукин привык видеть совсем близко голову Седова с раскинутыми по подушке почти желтыми волосами, привык слышать его дыхание.

Дверца тумбочки была выломана, и там, внутри, на виду у всех, лежали вместе мелкие вещи Лукина и Седова. У Лукина вещей было мало – зубная щетка, бритвенный прибор, – зато Седов хранил в тумбочке много всяких пустяков, которыми очень дорожил: карандаш в металлической оправе, трубку с чертиком, кинжал, набор зажигалок и мундштуков, коробочки, флакончики, даже пуговицы... В увлечении Коли Седова этим вздором было много еще совсем детского, очень милого для Лукина. Каждая эта вещь была хорошо знакома Лукину, и, глядя на них, он вспомнил смех Седова, его веселые, смелые, добрые глаза.

Толстой пачкой лежали в тумбочке письма, которые Седов получил из дому за три года войны. У Седова были отец, мать и две сестры, обе моложе его, младшая совсем маленькая. У Лукина не было родных – родители давно умерли, а своей семьей он не обзавелся. Родных Седова он никогда не видел, но знал о них все, словно прожил вместе с ними много лет. Седов всегда рассказывал ему про них, показывал все письма из дома. И Лукину было хорошо известно каждое письмо в этой пачке.

Все уже спали, и один только Лукин бессонными глазами глядел в потолок, когда в кубрик вошел командир полка. Он подошел к койке Лукина, сел у его ног и вполголоса, чтобы никого не разбудить, стал обсуждать с ним план спасения Седова. Он говорил деловито, не выражая ни сожалений, ни соболезнований, не уверяя, что все непременно кончится благополучно, и за эту сдержанность Лукин был ему благодарен.

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru
Они оба сразу сошлись на том, что Лукину следует вылететь при первых проблесках зари, чтобы найти Седова раньше, чем его найдут «фокке-вульфы». Командир полка больше не предлагал послать кого-нибудь вместо Лукина. В остальном опять было решено испытать и катера и гидросамолет. Ничего другого нельзя было придумать.

– Прогноз погоды на завтра хороший, – сказал командир полка, уходя. – Через час ветер уляжется, и волны станут меньше.

После его ухода Лукин вышел из землянки посмотреть, что делается на дворе. Ночь для начала мая была на редкость темная, черные тучи низко неслись над лесом, ветер кидал из стороны в сторону тяжелые лапы елей. Все это не предвещало ничего хорошего. О хорошей погоде командир полка говорил, конечно, просто так, в утешение.

Вернувшись в кубрик, Лукин опять лег на свою койку, даже не пытаясь заснуть. Светало очень рано, до рассвета оставалось часа два. Два часа пролежал он не двигаясь. Потом снова вышел.

Ночь еще не кончилась. Но как все изменилось! Тучи исчезли, и большие звезды сияли на высоком небе, начинавшем уже слегка бледнеть. Очертания деревьев неподвижно чернели в холодном воздухе. Ветра не было.

На востоке за лесом чуть-чуть розовело. Пора. В тающих сумерках самолет Лукина понесся на запад, к морю.

Он перелетел через немцев, прижатых к берегу, и был уже далеко над морем, когда сзади, из-за берега, встало солнце. Оно сначала позолотило легкие облачка в вышине, потом озарило самолет. Лучи его сверкали так ослепительно, что в сторону берега было нестерпимо смотреть. И только до моря они еще не добрались, – над морем все еще клубился синий сумрак.

Но вот, наконец, озарилось и море. Волны все еще были велики, но катились как-то лениво. Ветер не рябил их, как вчера, не срывал с них верхушки, не пенил. Ни клочка тумана над волнами; весь огромный простор был отчетливо виден от горизонта до горизонта.

Бесконечная сияющая пустыня. Ни дымка, ни паруса. И нигде ни малейшего признака маленькой лодочки Седова.

Лукин несся то вверх, чтобы видеть подальше, то над самыми волнами, чтобы не пропустить ни одного метра поверхности. Он то приближался к берегу, то уходил в открытое море. Он сворачивал все чаще, кидаясь то в одну сторону, то в другую. Седова не было.

Лукин в отчаянье готов был уже сообщить на командный пункт, что ночью Седов погиб и дальше искать его бесполезно, как вдруг на поверхности моря, в стороне берега, заметил несколько всплесков – словно большая рыба, разыгравшись на солнце, пыталась выскочить из воды. Лукин отлично знал, что это такое. Такими с высоты кажутся разрывы артиллерийских снарядов, упавших в воду. Немецкие береговые батареи обстреливали море. Почему?

Солнце, висевшее над самым берегом, слепило глаза и мешало смотреть. Лукин мчался навстречу солнцу, к берегу. Теперь, когда он подлетел ближе, разрывы снарядов казались ему не всплесками, а столбами белой пены и бурого дыма. Эти столбы, возникающие на широком пространстве, были особенно густы в одном месте. И там, где разрывы снарядов были гуще всего, Лукин увидел лодочку Седова.

Лукин понял, почему он не видел ее до сих пор. Она находилась слишком близко от берега, ближе, чем он предполагал, и солнце мешало ему смотреть. От Седова до берега было не больше двух километров.

Немцы видели Седова отлично, солнце им не мешало, и они били по нему прямой наводкой. Снаряды разрывались то справа, то слева, то перед ним, то за ним. В такую маленькую цель попасть не легко, и все же некоторые снаряды разрывались так близко, что лодочку подкидывало.

Среди всех этих взрывов Седов неподвижно сидел в своей лодочке, ко всему равнодушный. Казалось, он дремал. Он больше не греб руками, – вероятно, у него

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiynikolai.ru уже не было сил грести. Может быть, он умер? Но когда Лукин пронесся над самой головой Седова и обернулся, ему показалось, что Седов приподнял голову и смотрит на него...

Наконец появился гидросамолет. Ветра не было, гидросамолет мог сесть на воду, не рискуя перевернуться. Лукин помчался к нему навстречу, чтобы привести его к Седову. Теперь Лукин был спокоен. Если в ближайшие три минуты ни один снаряд не попадет в лодочку, Седов будет спасен.

Гидросамолет сел на воду в полукилометре от Седова и, как большая белая водяная птица, поплыл к нему, оставляя за собой длинный пенистый след. И сразу же немецкие артиллеристы, обрадовавшись, что перед ними такая крупная мишень, оставили Седова в покое и перенесли весь огонь на плывущий гидросамолет. По Седову стреляла одна батарея, по гидросамолету било по крайней мере пять батарей – весь берег осыпал его снарядами. Столбы воды ежесекундно обступали его со всех сторон, окружали его все теснее.

Гидросамолет несколько замедлил ход, свернул сперва вправо, потом влево. Некоторое время он, плывя широкими зигзагами, все еще пытался двигаться в сторону Седова. Но скоро взрывы окончательно преградили ему путь, и он только метался, стараясь увернуться. Лукин понял, что гидросамолет погибнет, если сейчас же не взлетит. И гидросамолет взлетел.

Лукин низко носился большими кругами над Седовым, мучась от своей беспомощности. Немцы на берегу окружены, разгромлены, и надеяться им не на что. Седов жив, качается на волнах в своей лодочке, озаренный ласковым майским солнцем; лучший друг его, Лукин, то и дело проносится над самой его головой, и все же он обречен и спасти его никак не удастся. Гибель Седова не принесет немцам никакой пользы, их злоба бессмысленна, и все-таки они его погубят. Неужели им позволят его погубить? Не может этого быть!

Командный пункт полка поминутно запрашивал Лукина о положении дела. Из переговоров по радио Лукин знал, что все наши авиационные, морские и сухопутные части, расположенные вокруг на сто километров, знают о Седове и внимательно следят за его судьбой. Сам командующий флотом приказал сделать все возможное, чтобы Седов был спасен. И действительно, все возможное делалось, – там, за минным полем, уже сияли на солнце присланные для спасения Седова катера.

По правде сказать, к их появлению Лукин вначале отнесся довольно равнодушно, – они ведь приходили сюда и вчера вечером. Впрочем, на этот раз у них, видимо, был какой-то особый план. Два катера – один совсем маленький, другой побольше – двинулись необыкновенно сложным и извилистым путем в глубь минного поля. Лукин понимал, что вблизи от берега мин нет и что минное поле осталось позади Седова, – немцы обычно не ставили мин у самого берега, чтобы дать возможность своим судам двигаться вдоль береговой полосы. Но катерам, стремящимся подойти к Седову со стороны открытого моря, нужно преодолеть широкое заминированное пространство.

Страшно было смотреть, как шли они ощупью, один по следу другого, то сворачивая, то останавливаясь, иногда даже пятясь назад. При свете дня мину легче заметить, чем в сумерки, и все же каждое мгновение Лукин ждал взрыва. Но взрыва не было. Оба катера медленно, но упорно приближались к берегу, и мало-помалу их движения становились все увереннее. Видимо, самую страшную часть минного поля им удалось уже преодолеть.

И все-таки Лукину казалось, что они совершили этот опасный и сложный подвиг напрасно. Он знал, что катер – еще лучшая мишень для артиллерии, чем плывущий по воде гидросамолет.

Немцы пока не стреляли. Они притаились, следя за движениями катеров, чтобы подпустить их поближе и бить наверняка. И первый снаряд взорвался как раз в то мгновение, когда оба катера, почувствовав, что вышли на свободную воду, стремительно понеслись вперед.

Они неслись, а снаряды рвались вокруг, и сверкающие столбы обступали их все гуще и гуще. И вдруг над передним катером возникло небольшое плотное облачко дыма. Лукину сначала показалось, что в катер попал снаряд и поджег его. Нет, он ошибся. Облачко дыма росло, росло, росло, протянулось за катером бесконечным хвостом и, повиснув огромным занавесом, скрыло полморя. И Лукин, ликуя, понял:

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
дымовая завеса!

Немцы тоже поняли и огонь всех своих батарей сосредоточили на маленьком катере. Волоча за собой все расширяющийся дымный хвост, он, бесстрашный, мчался, нет, не к Седову, а прямо к берегу по клокочущему от взрывов морю. Потом повернул и понесся между берегом и Седовым. Опять повернул и сам скрылся за своею завесой.

Стена плотного дыма, растянувшись на много километров, скрыла от немцев и Седова, и оба катера. Немцы перестали стрелять. Лукин тоже ничего не видел, потому что и сам попал в дымную мглу, подымавшуюся все выше.

Когда он наконец из нее выбрался, он снова нашел лодочку Седова. Она была пуста. Два катера осторожно пробирались гуськом через минное поле, направляясь в открытое море.

Час спустя Лукин сидел в землянке командного пункта полка и звонил по телефону на базу катеров. Оттуда ему сообщили, что Седова уже привезли.

– Ну, как он? Здоров?

– Здоров.

– Что делает?

– Спит.

Лукин и сам очень хотел спать. От бессонной ночи, от длинного полета, от пережитого волнения он весь был полон счастливой усталости. Он пошел в кубрик, разделся и лег. «Седов спасен», – думал он, засыпая.

Спал он спокойно и очень долго, много часов. «Седов спасен!» – подумал он, проснувшись. Он пошел в землянку командного пункта и опять позвонил на базу катеров.

– Седов спит, – ответили ему.

– Еще не просыпался?

– Не просыпался.

В этот день так ему и не удалось поговорить с Седовым, – Седов спал. Только на следующее утро Седов, наконец, подошел к телефону.

– Коля!.. Ну как, выспался?

– Выспался.

– Очень было трудно на лодке?

– Очень. Ночью меня чайки измучили, кружились надо мной, садились на голову, на плечи, я только и делал, что гонял их... Я знал, что меня выручат.

– Знал?

– Не сомневался... А ты слышал новость? Только что сообщили – Германия капитулировала.

Война кончилась. Это был первый день мира.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chukovskiy Nikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

Двое (Сборник). Николай Корнеевич Чуковский chukovskiy Nikolai.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!